

Туксайтова Райхан Омерзаковна

**Речевая толерантность в билингвистическом тексте
(на материале русскоязычной казахской
художественной прозы и публицистики)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Екатеринбург
2007

Работа выполнена на кафедре риторики и стилистики русского языка
ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького»

Научный консультант:

доктор филологических наук
профессор **Купина
Наталья Александровна**
ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького»

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук
профессор **Бахтикиреева Улдана
Максумовна**
ГОУ ВПО «Российский университет дружбы народов»

доктор филологических наук профессор
**Майданова
Людмила Михайловна**
ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького»

доктор филологических наук профессор
**Салимовский
Владимир Александрович**
ГОУ ВПО «Пермский государственный университет»

Ведущая организация

ГОУ ВПО «Воронежский государственный университет»

Защита состоится «14» ноября 2007 года в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.03 по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора филологических наук при Уральском государственном университете им. А.М. Горького (620083, Екатеринбург, к-83, пр. Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Автореферат разослан «___» _____ 2007 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук
профессор

М.А. Литовская

Диссертационная работа посвящена исследованию русско-казахского билингвизма в аспекте толерантности.

Билингвизм (двуязычие) является предметом пристального внимания многих исследователей. Последнее объясняется не только многоаспектностью проблемы билингвизма, но и его реальной судьбой, зависящей во многом от языковой политики, которая, к сожалению, не всегда учитывает характер взаимодействия языков и культур народов, проживающих на одной территории. Связь языка и культуры [Н.Д.Арутюнова, И.Т. Вольф, В.В.Воробьев, В.Гумбольдт, Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров, А.А.Потебня, Ю.Е.Прохоров, И.А.Стернин, Е.Ф.Тарасов, В.Н.Телия и др.] характеризуется взаимообусловленностью. Одним из способов сохранения национальной культуры и языка в полиэтническом государстве является билингвизм вообще и художественный билингвизм, в частности. Феномен художественного билингвизма проявляется прежде всего в том, что на основе взаимодействия двух языков и культур создается оригинальное творчество. Если использовать широкое понимание культуры [Г.П.Выжлецов, М.С. Каган, Э.Б.Маркарян, М.Франк и др.] как совокупности материальных и духовных ценностей общества, народа, то можно говорить о том, что в билингвистическом тексте создается особый диалог культур, выходящий за границы механического соотнесения одной культуры с другой. При создании билингвистического произведения писатель-билингв обращается к русскому языку как к форме создания текста и использует средства национального языка, которые придают произведению специфичность, создают эффект билингвизма. Русский язык является формой выражения мыслей, чувств, настроений автора. В то же время при чтении билингвистического произведения читатель погружается в национально специфический мир образов, вещей, явлений, отношений. В этом случае в тексте воплощается мировидение того народа, которому принадлежит писатель. Можно говорить об особом восприятии участков мира, обусловленном менталитетом этого народа [У.М. Бахтикиреева, Б.В.Емельянов, В.В.Колесов, Т.В.Кривошапова, Ю.Е. Прохоров и др.], с одной стороны, и об общности менталитетов, с другой стороны. Учеными и писателями высказываются идеи близости менталитетов русского и казахского народов [С.А.Акатай, Т.К.Бурбаев, С.Кляшторный и др.]. На протяжении длительного совместного проживания в Казахстане были выработаны определенные культурные установки, способствующие толерантному сосуществованию, взаимодействию, взаимовлиянию языков и культур. Несомненно, художественный и публицистический билингвизм является отражением особой лингвокультурной ситуации естественного билингвизма.

Билингвистическая ситуация в современном Казахстане значительно отличается от советского периода на уровне каждодневного разговорно-бытового взаимодействия и в особенности - в сферах литературы и публицистики. Именно билингвизм поддерживает межкультурный диалог, способствует формированию этнической, социальной, идеологической, коммуникативно-прагматической толерантности. Мы стремимся к выявлению стратегий писателя и публициста, направленных на формирование толерантного взаимодействия языков и культур.

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения билингвизма как операционного средства толерантности в обществе различий.

Объектом анализа являются русскоязычные билингвистические художественные и публицистические тексты, в которых прослеживается авторская стратегия толерантности. Русскоязычные билингвистические художественные тексты рассматриваются как сверхтекст – «совокупность текстов, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями нормального (анормального)» [Н.А.Купина, Г.В.Битенская]. **Предмет** исследования – маркированные национальной лексикой сверхтекстовые и текстовые фрагменты и высказывания, отражающие специфику национального мировидения.

Цель предпринятого исследования состоит в выявлении билингвистических особенностей текстов, способствующих осуществлению авторской стратегии толерантности. **Гипотеза** исследования: толерантность является стратегически обусловленной категорией билингвистического текста.

Для достижения целевой установки необходимо решить следующие **задачи**: установить эвристические возможности лингвокультурологической интерпретации билингвистического текста в его соотношении с коммуникативной категорией толерантности; описать создающие эффект толерантности способы представления писателем-билингвом национальной культурной информации; охарактеризовать направленные на формирование межкультурного диалога когнитивные особенности билингвистического художественного сверхтекста; рассмотреть языковые средства, способствующие толерантному освещению национально специфической проблематики в русскоязычной казахской публицистике; выявить и типологизировать речевые практики толерантности и на их основе доказать гипотезу о категориальном текстовом статусе толерантности. При решении каждой задачи характеризуются функции национальной лексики в их соотношении с лексикой русской, а также конкретные средства репродукции общего и различного в тексте и сверхтексте.

Материал исследования - художественная билингвистическая русскоязычная проза советского периода. Романы А.Алимжанова («Гонец», «Стрела Махамбета», «Возвращение Учителя», «Дорога людей»), С.Санбаева (трилогия «Времена года нашей жизни», повести «Аруана», «Коп-ажал», «Дорога только одна») проанализированы как особый сверхтекст. Общая длина сверхтекста – 2000 страниц. Для срезового анализа привлечены произведения современного писателя-билингва Шахимардена, а также газетные и журнальные тексты постсоветской русскоязычной публицистики.

Основные методы исследования определены спецификой изучаемого материала. Нами использован комплекс традиционных методов синхронного лингвистического исследования: наблюдения, описания, компонентного, в том числе контрастивного, контекстуального анализа, стилистического комментирования, этюдного стилистического анализа. В работе применялся метод лингвокультурологической интерпретации национально маркированных единиц текстовых и сверхтекстовых подсистем.

Научная новизна: В ходе комплексного лингвокультурологического исследования корпуса текстов русскоязычной казахской прозы советского периода и срезового анализа современной казахской русскоязычной прозы и публицистики выявлены речевые практики толерантности, способствующие формированию внутрикультурного и межкультурного диалога.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Базовым фактором, определяющим развитие художественного и публицистического билингвизма, является естественный билингвизм, поддерживающий межкультурный диалог.
2. Билингвистический текст характеризуется двудоминантностью. При доминировании русского языка, выступающего как форма существования билингвистического текста и как средство интерпретации национально специфических единиц, сохраняется культурно-мировоззренческая казахская доминанта. Двудоминантность обеспечивает формирование диалога культур, являющегося условием коммуникативной толерантности.
3. Будучи порождением естественного билингвизма, художественный билингвизм в условиях государственного подавления одного из языков выступает как форма сопротивления русификации и способствует сохранению своеобразия национальной культуры, ее вхождению в межкультурный диалог; в условиях свободного развития языков художественный билингвизм, как и билингвизм публицистический, выступает как форма поддержки и развития естественного билингвизма.
4. Сочетание лингвостилистического анализа (предполагающего выявление стратегически заданного принципа отбора писателем и публицистом языковых средств и принципа их соединения в речевой ткани текста) с лингвокультурологической интерпретацией текстовых парадигм и синтагм, направленной на осмысление значимых для русской и казахской культур ценностных смыслов, позволяет выявить речевые практики толерантности, установить специфику преломления категории толерантности в билингвистическом тексте.
5. Культурно-фондовая информация передается автором-билингвом с помощью лингвоспецифических слов-казахизмов на уровне лексем, на уровне семемы, на уровне семного состава лексического значения: в художественном билингвистическом тексте на базе как русских слов, так и слов национальных, конструируются транслирующие культурно-фондовую информацию текстовые и сверхтекстовые внутрисловные парадигмы.
6. На уровне отбора языковых единиц действует парадигматический принцип: для осуществления механизмов толерантности автором текста целенаправленно отбираются когнитивно определенные единицы лексико-семантических систем. Эти единицы образуют внутритекстовые и внутрисверхтекстовые вертикальные объединения национальной лексики (сферы и субсферы).
7. Внутрисверхтекстовые сферы и субсферы, сформированные на основе национальной казахской лексики, сопоставимы с параллельными системами и подсистемами русской языковой картины мира. Последнее обуславлива-

ет возможность авторской интерпретации национально специфических смыслов средствами русского языка и использование опорной для речевых практик толерантности формулы *казахское + русское*.

8. На защиту выносятся разработанная нами типология речевых практик толерантности (см. стр. 27-28).
9. Регулярно реализуемые в художественных и публицистических билингвистических текстах речевые практики толерантности (парадигматические и линейные) обнаруживают наличие речевой системности, поддерживающей авторскую стратегию коммуникативной толерантности. Толерантность в билингвистическом тексте приобретает категориальный статус.

Теоретическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в лингвокультурологических трудах по теории билингвизма и бикультуризма.

Практическая значимость: результаты исследования внедрены в практику преподавания русского языка и культуры речи в Казахском агротехническом университете, в Евразийском университете им. Л.Н.Гумилева, частично отражены в учебно-методических пособиях.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационной работы были изложены автором в 37 трудах по теме диссертации и обсуждены на международных, республиканских научных конференциях (Москва 2007; Екатеринбург 1998, 2000, 2001, 2004, 2005, октябрь, декабрь 2006; Астана 2000, май, ноябрь 2001, январь, март 2002, 2003, апрель, октябрь, ноябрь, декабрь 2005, январь, апрель 2006, февраль, март, апрель 2007; Алматы 2005, март, июнь, сентябрь, октябрь 2006, 2007; Караганда 1995, 2007; Павлодар 2006). Диссертационное исследование обсуждалось на заседаниях кафедры риторики и стилистики русского языка Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав и заключения, списка литературы, содержащего 600 наименований, списка использованных словарей, списка текстовых источников.

Основное содержание диссертации

Введение содержит обоснование актуальности темы, формулировку цели исследования и вытекающих из нее задач, общую характеристику диссертации.

Глава 1 «**Билингвизм и толерантность: современное состояние проблемы**» посвящена теоретическому обоснованию проблемы.

В разделе **Билингвизм и художественный билингвизм** рассматриваются общие вопросы билингвизма с позиций лингвистики, психологии, социологии, психолингвистики [О.Б.Алтынбекова, З.К.Ахметжанова, Е.М.Верещагин, Л.Х.Даурова, Г.А.Дырхеева, Л.К.Жаналина, Ю.А. Жлуктенко, Н.В.Имедадзе, О.А.Колыхалова, М.М. Копыленко, А.П. Майоров, М.М.Михайлов, Е.Д.Поливанов, С.Т.Саина, Э.Д.Сулейменова, Е.К.Суфиев, Д.Д.Шайбакова, Н.Ж.Шаймерденова, Г.Шухардт, Л.В.Щерба и др.].

Общую билингвистическую ситуацию в республике Казахстан невозможно представить без осмысления художественного билингвизма как некой эстети-

ческой производной естественного языкового взаимодействия. Исследователи художественного билингвизма [У.М. Бахтикиреева, Г.Гачев, А.А.Гируцкий, Ч.Г.Гусейнов, Н.Г.Михайловская, Б. Хасанов, Т.К. Черторижская и др.] рассматривают следующие аспекты данной проблемы: а) сущность художественного билингвизма; б) критерии выделения художественного билингвизма; в) типы художественного билингвизма; г) художественный билингвизм в контексте коммуникативного акта.

Художественный билингвизм – объективное следствие общей социокультурной ситуации. В зависимости от многообразных территориальных, культурных, исторических и других условий он приобретает свои специфические особенности. Художественный билингвизм воплощается в речевом произведении, которое создано на основе двух кодовых систем. Такие тексты, в которых зафиксировано два языковых кода – русский и казахский – мы выбираем для анализа.

В научной литературе существует широкое и узкое понимание художественного билингвизма. В широком смысле литературное двуязычие включает художественный перевод. На наш взгляд, художественный перевод – особый вид творчества, неизбежно предполагающий соприкосновение национальных языков, – это факт литературы. Переводной текст в трансформированном виде входит в контекст новой культуры, но не присваивается этой культурой как *своей*, сохраняет монокультурный облик. Стратегия переводчика направлена на точное воспроизведение индивидуальной манеры автора – носителя *другой* культуры.

Мы придерживаемся узкого взгляда на художественный билингвизм как оригинальное творчество, основанное на взаимодействии двух языков и культур. Такой подход соответствует реально существующему литературному процессу.

В разделе «**Билингвизм и толерантность**» отмечается, что понятие «толелантность» рассматривается русистами в разных аспектах: описывается лингвокультурологическое поле толелантности, выявляется специфика представления толелантности и терпимости в русской языковой картине мира, устанавливаются различия между *толелантностью* и *терпимостью*, акцентируется внимание на специфические оттенки лексического выражения толелантности [Л.П.Крысин, О.А.Михайлова, В.А.Салимовский, И.А.Стернин, А.Д.Шмелев и др.]. В казахском языковом сознании понятие «терпимость» сближается с понятием «толелантность». Слово *тозимдилек* - «шыдамдылык, конбистек» / «терпеливость, выдержанность» - обозначает одобряемое народом и свойственное ему терпимое отношение *к другому/чужому*. Принятие *другого* выработывалось на протяжении длительного времени совместного проживания казахов и русских. Не случайно понятие «толелантность» связывается казахстанскими философами с идеей евразийства [С.А.Акатай, Т.К.Бурбаев, А.К.Каиржанов, М.Нысанбаев, Г.Соловьева, Т.Г.Шляхтич и др.]. Исследователи отмечают исконные базовые ценности, выработанные в Евразийской степи: терпимость, отзывчивость, доверчивость, открытость, душевность, щедрость, примат духовного над материальным, коллективизм, компромисс. Базовые цен-

ности позволяют регулировать внутрикультурные и межкультурные общественные отношения на основе взаимопонимания, взаимопримирения. Можно сказать, что сегодня толерантность как категория, регулирующая прежде всего межличностные отношения, стала восприниматься как залог успешного межнационального взаимодействия.

Анализируется языковая ситуация в современном Казахстане. Наши наблюдения показывают, что применительно к Казахстану особую важность приобретает межкультурная и межъязыковая толерантность как на уровне государственном, так и на уровне бытовом. В многонациональном государстве необходим язык, который был бы средством общения для всех людей, проживающих на одной территории. Русский язык как средство межнационального общения на бытовом уровне обслуживает все слои лингвокультурного сообщества - независимо от возраста, пола, социальной, этнической принадлежности людей. Последствия советской языковой политики, характеризующейся дискриминацией национальных языков, определенным образом сказываются на современной языковой ситуации. В постсоветском Казахстане государственная языковая политика направлена на поддержку как казахского, так и русского языков. Отсутствует государственное подавление одного языка другим. Все это способствует сохранению стабильности в обществе и формированию толерантного межкультурного диалога.

Как известно, живая языковая среда является доминирующим фактором при освоении того или иного языка. Опыт показывает, что именно в детском возрасте наиболее успешно усваивается язык, фиксируется высокая степень толерантности речевого общения. Дети с удовольствием вовлекаются в игру, с легкостью повторяют незнакомые слова, запоминают их и при случае используют в речи. Межъязыковые контакты казахстанских детей в непринужденной обстановке не затруднены и свидетельствуют о естественности коммуникативной толерантности, как, например, в диалоге мальчиков, обучающихся в разных школах (с казахским языком обучения и с русским языком обучения):

Темірхан – *Жәнібек, ты выйдешь на улицу?*

Жәнібек – *Жоқ, Темірхан, шыға алмаймын. Сабақ орындау керек* (Нет, не могу. Уроки нужно сделать).

Темірхан – *Сабақ орында да, далаға шық.* (Уроки сделай и выходи на улицу). *Я тебе покажу новую кассету. Недавно купил.*

Жәнібек – *Жарайды, шығамын* (Ладно, выйду). *А как фильм называется?*

Применительно к возрастной группе взрослых можно говорить о разной степени толерантности. В общение вступают собеседники, преследующие решение стратегических коммуникативных задач, имеющие необходимые фоновые знания, которые реализуются в процессе межкультурных контактов. Данная группа участников речевого общения достигает полного взаимопонимания в случаях соблюдения норм внутрикультурного диалога. В речевом общении представителей разных этносов особенно важным является выбор языка общения. При этом в последнее время возросло, хоть и незначительно, число русских, владеющих казахским языком.

Даже беглый взгляд на языковую ситуацию обнаруживает органическую связь коммуникативной толерантности и билингвизма, его конкретных проявлений в речевой ткани диалогов – внутрикультурных и межкультурных. Особо ярко эта связь проявляется в сфере эстетически заданной коммуникации.

Глава 2 «**Культурно-фондовая информация и категориальная специфика билингвистического текста**» посвящена проблеме интерпретации национальной лексики билингвистического текста и обзору категорий текста, способствующих формированию эффекта толерантности.

В разделе «**Национальная лексика и способы представления культурно-фондовой информации**» предложена классификация национальной лексики, выявлены способы представления культурно-фондовой информации. Носитель языка обладает определенным объемом культурно-фондовых знаний. Слово хранит культурную память и одновременно – транслирует культурные знания. Писатель предполагает у своих читателей способность воспринимать через слово информацию, объективно заложенную в созданном им литературном произведении. В билингвистическом тексте коммуникативное напряжение может возникнуть на участках словесного воспроизведения особенностей *другой* культуры. Снять напряжение писатель-билингв пытается с помощью приемов интерпретации культурно-фондовых компонентов текстового содержания.

Говоря о связи фондовых знаний и слова как номинативной единицы, мы учитываем, что слово как знаковая единица имеет план выражения, который выступает в форме лексемы, и план содержания (семема), который включает весь объем знаний о слове [Л.М.Васильев, Э.В.Кузнецова, М.М.Копыленко, О.А.Михайлова, Л.А.Новиков, З.Д.Попова, И.А.Стернин и др.]. В соответствии с идеями компонентной теории значения в составе семемы выделяются образующие множество семантические доли, которые обеспечивают классификационное представление предмета и входят в состав понятийного значения слова. В языковом сознании фондовые знания закреплены с помощью различных единиц: слов, устойчивых сочетаний, прецедентных высказываний, которые вовлекаются в межкультурный диалог и регулируют меру его толерантности. Значительна роль пословиц как единиц, наделенных национально-культурным компонентом семантики и участвующих в создании культурно-фондового потенциала художественного текста.

Для разработки классификации национально специфических лексических единиц, передающих фондовую информацию, которая отражает мировосприятие казахского народа, необходимо уточнить понятие «национальная лексика». Термин «национальная лексика» по сути своей этнолингвистичен [А.С.Герд]. Это термин исследователя билингвизма, рассуждающего с позиции одного из двух (в нашем случае – русского) языков. Но в билингвистическом тексте может быть использована и лексика иноязычная, анализу которой посвящены многочисленные труды [А.А. Брагина, В.В. Виноградов, Л.П. Крысин, А.Е. Супрун, О.Б. Шахрай и др.].

Иноязычную лексику можно рассматривать в двух аспектах: во-первых, в аспекте ее соотношения с системой русского языка; во-вторых, в аспекте ее функционирования в билингвистическом тексте. Следует отметить, что в сис-

темно-парадигматическом смысле вся нерусская лексика иноязычна. Иноязычная лексика в системе русского языка достаточно неоднородна по своему составу. С одной стороны, это лексика народов бывшего СССР, которая в лингвистических трудах советского периода условно называлась национальной, с другой стороны, – это заимствованные иностранные слова, прошедшие путь освоения и пополнившие лексический состав русского языка.

Особый аспект проблемы – функционирование национальной лексики в билингвистическом тексте. Критерием определения национального является наличие в тексте национальной лексики. В двуязычном тексте национальной считаем лексику языка, за которым стоит воплощенный в тексте культурный слой языка, являющегося для писателя первым родным. В нашем случае – это лексика казахская. Иноязычной в билингвистическом тексте является лексика неисконная – ни для русского, ни для казахского языков.

Национальные единицы занимают разное положение на векторе безэквивалентности. По отношению к обозначаемому национальную лексику можно определить 1) как лексику, связанную с обозначением национальных реалий и концептов, не имеющих аналогий в жизни другого (в нашем случае – русского) народа; 2) как лексику, обладающую национальным компонентом значения, который характеризует специфически национальный ракурс реалии, концепта. Первая группа может быть отнесена к собственно безэквивалентной; вторая – к относительно безэквивалентной лексике. В нашем понимании, статус собственно казахских единиц в билингвистическом тексте имеют казахизмы – слова казахского языка, не зафиксированные в толковых словарях русского языка, не освоенные русским языком.

Несобственно национальная лексика представлена лексикой общевосточной, неоднородной по своему составу. Прежде всего это лексика тюркского происхождения [К.Р.Бабаев, Н.А. Баскаков, Ж.А.Жолдасов, И.Г.Добродомов, Л.А.Кубанова, Д.С.Сагдуллаев и др.]. Всю общетюркскую лексику синхронно можно разделить на два пласта: 1) общеупотребительные тюркизмы, имеющиеся во всех тюркских языках; 2) тюркизмы, укоренившиеся в том или ином тюркском языке (в нашем случае – казахском).

Учитывая теорию фоновых значений и национальной специфики семантики, можно представить формы проявления фоновой информации в лексике билингвистического текста. Если лексику текста спроецировать на особо значимые участки картины мира («Человек и его мир», «Природа»), можно с уверенностью сказать, что в речевой структуре русскоязычного билингвистического текста имеются единицы, передающие национально значимую фоновую информацию. Представленный ниже иллюстративный материал носит демонстрационный характер. Извлекается данный материал из произведений писателей-билингвов А. Алимжанова и С. Санбаева.

1. Фоновая информация проявляется на уровне лексемы-казахизма. В референтивном пространстве русской культурной среды отсутствует референт, представленный в казахской культурной среде. Соответственно – в лексической системе русского языка отсутствует слово, значение которого эквивалентно значению казахского слова. В данной ситуации писатель использует безэк-

вивалентные лингвоспецифические единицы, которые имеются в каждой из семантических сфер: *Сын Есима султан Каипгали объявил себя спасителем и защитником всех тех, кто обижен Жангиром. Он обещал увести народ на восток, за Жаик, и там, на бескрайних просторах Сарыарки, с согласия ханов Младшего и Среднего жузов, создать новое ханство, где не будет преград для кочевий* (А.Алимжанов). Слово *жуз* имеет следующее зафиксированное толковыми словарями казахского языка значение: «названия трех родо-племенных объединений казахов: старший, средний, младший». Данная лексическая единица является безэквивалентной, так как русская культура не знала аналогичной социальной структуры.

2. Фоновая информация проявляется на уровне семемы национального слова, освоенного русским языком. Так, лексическая единица *джигит* имеет следующее, зафиксированное толковыми словарями русского языка, значение: «искусный и отважный наездник (первоначально у кавказских горцев)». Однако в билингвистическом тексте реализуется другое значение данного слова, передающее специфическую фоновую информацию, характерную для казахской культуры. Семема «молодой человек» актуализируется в следующем контексте: *Джигиты встали перед старцем. Кто-то протянул Курмашу домбру, но тот не взял ее. Глухой топот копыт вывел всех из оцепенения. Люди увидели всадников, скачущих к аулу* (А.Алимжанов). В других случаях реализуется отсутствующая в русском языке семема «воин, защитник»: *Джигиты, высланные в разведку, внимательно следили за каждым шагом отряда и немедленно докладывали Абену обо всем замеченном* (С.Санбаев).

3. Фоновая информация проявляется на уровне семного состава лексического значения слова-казахизма, а именно – национально специфической доли значения. Лексеме *тай-казан* соответствует русский аналог *казан* – «большой котел для приготовления пищи». В семантике данного слова в казахских и русских языках совпадает категориальная часть значения. Колоритообразующей является дифференциальная доля значения, а именно указание на предназначение посуды: «котел, в котором варят мясо целого жеребенка»: *Аксакалы аула суетились, каждый старался показать свою щедрость – откуда-то тащили огромный тай-казан, уже дымилась кровь жеребца, прирезанного, чтобы угостить сарбазов* (А.Алимжанов).

4. Фоновая информация основана на национальных пресуппозициях, оживающих в образной канве текста. При этом средством передачи картинной национально маркированной образности может выступать собственно русское слово. Так, А.Алимжанов и С.Санбаев активно употребляют слово *стень*, которое приобретает целый ряд семантических приращений, способствующих созданию национального по содержанию образа. Специфика проявляется прежде всего в выборе оснований для контактных метафор, находящихся в ближайшем контекстном окружении слова. Слово *стень* употребляется в составе высказываний, включающих казахизмы: *А два беркута, хозяева стеней Жидели, проснувшись рано, не увидели аула, - опустевшие дома стояли, как мазары. И слышался лишь далекий, тревожный, многоголосый человеческий плач, перешедший в печальный гул, подобный песне каменного леса* (А.Алимжанов).

Беркуты олицетворяют хозяев степей, наблюдающих за жизнью людей аула. Параллель *беркуты – хозяева*, используемая в данном контексте, позволяет создать образ опустошения и вымирания: опустевший аул кажется могилой, местом захоронения – *мазаром*. Акустический образ человеческого плача усиливает впечатление мертвой степной пустоты. Культурно-фоновая информация, на основе которой возникает ассоциативный образ казахской земли, наслаивается на слово *степь*. Тропы, входящие в контекстное окружение данного слова, охватывают участки семантических сфер «Человек и его мир», «Природа».

5. Фоновая информация стоит за многокомпонентными внутритекстовыми лексическими подсистемами [Н.А. Купина]. Сигналы фоновой информации – члены этих подсистем (ядерные и периферийные). Отдельные сигналы комбинируются в ряды разного объема и значимости – фоновые парадигмы. Средством внутрипарадигматической связи служит обычно языковой элемент, наиболее общий по значению или категориально-лексическая сема, общая для всех членов ряда. Средством межпарадигматической связи выступает языковой сигнал или сквозная фоновая парадигма. В билингвистическом тексте лексические подсистемы выполняют категориальную функцию. Они служат для создания межкультурного диалога в цепочке *автор – читатель*. Парадигмы такого типа (их анализ проведен в главе третьей) выступают как средства межкультурного толерантного контакта. Национально значимая культурно-фоновая информация не всегда закреплена за отдельными языковыми сигналами или их объединениями. Имплицитно представленная культурно-фоновая информация требует анализа глубинного смысла текста.

В разделе «**Авторская стратегия толерантности и текстовые категории**» рассматриваются проблемы авторской стратегии и категорий текста, способствующих формированию толерантного взаимодействия культур. Стратегия автора-билингва, понимаемая как интенция авторского поведения [М.Берг, П.Бурдые], предполагает ориентацию на адресата как носителя одной культуры или двух (казахской и русской) культур, одна из которых является неродной. Коммуникативное намерение автора связано с установкой на частичную или полную нейтрализацию напряжения, возникающего соответственно при восприятии русскоязычного текста казахскими читателями и при восприятии национальных единиц, смонтированных в текстовую среду, русскими читателями. Авторское поведение, таким образом, двунаправлено: оно структурируется как некое производное двух разных культур и языков, находящихся в постоянном взаимодействии, которое не предполагает поглощения одной культуры (и языка) другой культурой (и языком). Оппозиция *свое – другое / чужое* органична для билингвистического текста. Динамика этой оппозиции, ее трансформации заданы авторской стратегией толерантности, охватывающей языковое воплощение опорных категорий билингвистического текста.

Набор категорий текстов воздействующих стилей [М.Н.Кожина, О.А.Крылова, Т.В. Матвеева и др.], в отличие от текстов стилей «жестких», составляют тематическая целостность, связность, локальность и темпоральность, оценочность и тональность (модальность), а также структурно-связочные в своей основе категории логического развертывания и композиции, содержательно

определяемые всем комплексом экстралингвистических факторов. В качестве выделяют основные текстовые категории автора и адресата [Н.С.Болотнова, В.В.Виноградов, Н.А.Кожевникова, Т.В.Матвеева, Н.Т. Рымарь и др.].

Феномен оценочности привлекает большое внимание современных исследователей. Оценка рассматривается как компонент лексического значения слова, как органическая составляющая лексической экспрессивности [В.А.Маслова, Н.А.Лукьянова, Т.В.Матвеева, И.А. Стернин, В.И.Шаховский и др.]. В билингвистическом художественном произведении оценка может сопровождать слово, высказывание, текст; она участвует в формировании целостной текстовой модальности, передает авторское отношение к теме и персонажу. Авторская оценка – органический параметр образа автора, показатель типа авторского сознания, отношения к миру. Читатель билингвистического текста – это всегда человек с определенными аксиологическими предпочтениями.

Универсальной для художественного текста является категория хронотопа. Не случайно ей посвящены многочисленные научные труды (М.М.Бахтин, А.Д.Бренер, С.Б.Даиржанова, Н.К.Данилова, В.Л.Ибрагимова, Л.И.Кожемякина, Ю.М.Лотман, Т.М. Мадзигон, М.А. Сапаров, В.Н.Топоров, И.Я. Чернухина и др.). В исследуемых билингвистических художественных текстах хронотоп отражает общие временные и пространственные представления двух народов – казахского и русского – и особенности национального мировосприятия, мироощущения. Писатели-билингвы, освещая те или иные исторические события, используют прямые темпоральные сигналы, которые эксплицируют определенный фрагмент исторического времени.

В сверткесте писателей-билингвов представлены ментально значимые темпоральные сигналы, характеризующие события, сыгравшие историческую роль в жизни казахского народа: *Это был конец окутанного трауром, самого тяжкого во всей истории казахов года. Года, о котором народ потом сложит сотни печальных песен и назовет его «Актабан шубырынды» - «Годом великих бедствий»*. Так казахи прозвали 1723 год, когда народы Средней Азии поразило страшное бедствие – нашествие джунгар. Буквальный перевод с казахского языка – «бегство с белыми пятками», когда толпы мирных людей, беспощадно истребляемых врагом, ринулись куда глаза глядят под знойным солнцем (А.Алимжанов). Словосочетание *год великих бедствий* и его казахский вариант – парафрастические сигналы продленного ретроспективного событийного времени, значимого для исторического повествования. Между тем в пространстве всего сверткеста это же словосочетание в казахском варианте выступает как компрессированное обозначение горького момента позора, страха, горя. Культурная память связывает употребление казахизма *актабан шубырынды* с историческим событием, имевшим печальные последствия для всего народа.

Можно говорить о том, что в сверткесте представлены определенные пространственные сигналы, формирующие общие для двух народов – русского и казахского – представления о времени и пространстве. Анализ материала показал, что русское слово *степь* становится опорным когнитивным центром сверткеста, метафорой, вбирающей денотативные смыслы и приращения, опреде-

ленные образные параллели, отражающие особенности национального мировосприятия. На фоне семантики колоритообразующей возникают ассоциативные связи, характерные для обеих культур – казахской и русской. Писатели-билингвы, используя русское слово, наполняют его национально специфическими смысловыми ассоциациями, с помощью которых создается стилистический эффект, свойственный билингвистическим текстам. В исследуемых текстах слово *степь* выступает как опорный, базовый пространственный сигнал. Сохраняя категориально-лексическую сему «место (пространство)», данная лексическая единица передает целый ряд эмпирических смыслов, охватывающих концептуальное восприятие реального пространства.

Семантическая структура слова *степь* анализируется с опорой на толковые словари русского и казахского языков. В толковых словарях русского языка зафиксировано основное значение слова *степь*: «обширное, безлесное, ровное, покрытое травянистой растительностью пространство в полосе сухого климата». В казахском языке есть лексический аналог – *дала*. В толковом словаре казахского языка *дала* – «пространство с травянистой растительностью; пастбище». Семантическая доля «пространство» объединяет рассматриваемые лексические значения. Используя лексическую общность единиц, А.Алимжанов и С.Санбаев оперируют только русским словом *степь*. Вместе с тем авторы используют постоянные эпитеты, поддерживающие как русское, так и казахское восприятие степи и тем самым создают эффект бикультурного восприятия пространственного объекта.

Слово *степь* в сверхтексте, помимо основного словарного значения, включает ряд значений переносных. Через весь сверхтекст проходит параллель **степь – родная земля, родина:** - *Степь живет своими извечными традициями, и если новая власть попытается подчинить себе бескрайние просторы, то ей как раз нужны люди, подобные ему, Адайбеку* (С.Санбаев). На фоне прямого значения слова *степь* и метафорического значения «родная земля, родина» формируется метафора **таинственного и прекрасного**. Образ незнакомой, прекрасной, таинственной степи – эстетический центр сверхтекста: *Он (Кенже) впервые ощутил так широко первозданную, могущественную красоту степи, он видел ее синеву, ее цветенье и силу. Богатая, щедрая земля лежала у его ног. Небольшие холмы, низкие зеленые отроги напоминали застывшие волны великого моря; реки, сверкающие в лучах солнца, уходили из одного края дали в другой. Но не только красота природы заворожила Кенжебатыра. Ему как воину было ясно, что только с этой точки, только с этой площадки можно увидеть то, что было скрыто от посторонних взглядов, от джунгар* (А.Алимжанов). Контекст эксплицирует смысл «незнакомое в знакомом» Житель степи, ее истинный хозяин увидел нечто такое, что скрыто от вражеского взгляда, разгадал тайну степи и наслаждался ее красотой. Метафора таинственного и прекрасного выполняет эстетическую функцию. Последняя служит основой межкультурного диалога о тайнах природы, красоте и притягательности родной земли.

Жанрообразующей является образная параллель **степь - арена битвы**. *Степь* предстает как открытое пространство, в котором разворачиваются бое-

вые действия. Семантику метафоры битвы поддерживают русские и национальные слова и словосочетания, являющиеся сигналами жанра исторического романа: *скопище врага, сарбазы, армия, конница, лагерь, поле боя, поле битвы, джунгары, раненые, стрелы, сабли, предсмертные крики и стоны людей и коней, отряд, сражение*. Контексты раскрывают семантику метафоры, актуализируя различные эмпирические смыслы: *Завидев сарбазов, преградивших путь, джунгары остановили коней. Две армии встали лицом друг к другу. В степи воцарилась тишина, даже кони притихли. Куда-то скрылись и умолкли перепуганные птицы* (А.Алимжанов).

Специфична параллель **степь – песня**. Образ печальной песни, звучащей в степи как отголосок прошедшей войны, напоминают отцу о сыне, не вернувшемся с войны, о годах ожидания: *Дрогнул горизонт, закружилась степь под протяжно - печальную песню сына, меняясь в цвете, превращаясь в неприветливую, серую. И по ней, до предела выгоревшей, шумно дыша, бежал старый Акжигит, догоняя отделившихся от повозки белых овец. Под кирзовыми, потрескавшимися, как сама земля, солдатскими сапогами взлетала пыль. А песня сына звучала над степью, и ей сильным, задохнувшимся, дребезжащим голосом стал вторить Акжигит – отец и сын, степь и песня...* (С. Санбаев). Образы печальной степи и печальной песни, связывающие отца и сына невидимой нитью, переключкой прошлого и настоящего, не отождествляются, но соединяются воедино. Этот ассоциативный ряд активизирует «картинный» образ кочевника, сына степи, из груди которого невольно вырывается песня – крик души. Данная образная параллель выполняет эмоциональную функцию, затрагивает чувства читателя, привязанного ко всему родному и близкому.

На базе константной образной параллели **степь - мечеть** формируется индивидуально-текстовой национально-эмпирический смысл «вездесущность Бога»: *В мечеть превратилась эта узкая долина. Да, собственно, вся степь подобна мечети. Мечети, где просят счастья у аллаха, где встречаются свою любовь. Бывают годы, когда джуют или нашествие ханских карателей превращают эту мечеть в обитель плача и смерти* (А.Алимжанов). Метафора *степи-мечети* поддерживает мысль о том, что родина и Бог вечны, а отказ от веры эпизодичен. Родина и вера интерпретируются как вечные ценности народа.

В сверткесте реализуется образная параллель **степь – жизнь**: *В глубоком раздумье смотрел старик в степь: что-то похожее на свою жизнь видел он в этой призрачной картине* (С.Санбаев). Степь контрастна, многолика, многоцветна в разное время года и суток. По всей вероятности, такие же ассоциации вызваны и определенными этапами человеческой жизни. Образ степи, олицетворяющий связь человека с родной землей, его местом в жизни, затрагивает общечеловеческие проблемы, способствует межкультурному взаимодействию.

В билингвистическом художественном сверткесте русское слово *степь* является транслятором толерантного межкультурного диалога, связующим центром в мировосприятии геопространства. Общий когнитивный фундамент восприятия данного участка картины мира позволяет установить диалог культур.

В то же время русский читатель с пониманием воспринимает специфику казахской степи. Параллели, возникающие в результате образного осмысления пространства, связаны с национальной спецификой восприятия степного края.

Особо рассматривается категория интертекстуальности [Д.Б.Гудков, И.В. Захарченко, Ю.Н.Караулов, В.Красных, Н.А. Кузьмина, Ю.Е. Прохоров, Ю.А.Сорокин и др.]. Сложность восприятия билингвистического текста связана с тем, что разные группы читателей могут опознавать разные группы прецедентных текстов. Билингвистический художественный текст, перерабатывая вербальные культурно-ценностные прецедентные знаковые единицы, принадлежащие разным культурам, вырабатывает механизмы их использования и внедрения в сознание читателя и тем самым создает предпосылки для формирования межкультурного толерантного диалога.

Национальная лексика, транслирующая специальную фоновую информацию, поддерживает категориальное своеобразие билингвистического текста. С этой точки зрения значимость приобретают культурологически нагруженные участки текста, включенные в диалог культур.

Толерантность, понимаемая как принятие *чужого*, является аспектом каждой текстовой категории. Проникая во все текстообразующие категории, она определяет позицию автора, определяет тематическое наполнение текста, формирует особое национальное восприятие пространства и времени, устанавливает связи между ними, стимулирует отбор и направление интерпретации прецедентных знаков обеих культур. Категориальные свойства билингвистического текста обеспечивают проявление механизма толерантного взаимодействия и способствуют формированию диалога культур. Таким образом, толерантность можно рассматривать как особый лингвокультурологический результат реализации категориальных механизмов текста. При доминировании русского языка как средства создания билингвистического текста сохраняется культурно-мировоззренческая казахская доминанта. Двудоминантность – основа межкультурного диалога как условия коммуникативной толерантности.

Глава 3. «Русскоязычная казахская художественная проза: когнитивная специфика и речевые практики толерантности» содержит системное лингвокультурологическое описание национальной лексики, позволяющее разработать типологию речевых практик толерантности, реализующихся в пространстве билингвистического текста и сверхтекста.

Мы рассматриваем казахскую русскоязычную прозу А.Алимжанова С.Санбаева как единый билингвистический сверхтекст, объединенный тематически. Каждая текстовая тема в границах сверхтекста выступает как подтема общего тематического каркаса исследуемого тематического целого. Эта общая сверхтема ориентирована на единый денотат: национальный казахский мир (быт, культура, уклад жизни) в историческом движении. Тематически связанные объединения национальной лексики выполняют текстообразующую функцию. Национальное проявляется не в пунктирном расположении казахизмов, а в системной организации лингвоспецифических единиц, служащих для изображения концептуально значимых участков картины мира. Последнее обусловли-

вает содержательную целостность етструктуры билингвистического сверхтекста.

Предлагаемая нами классификация номинативных единиц осуществляется поступенчато. Все рассматриваемые элементы, обладающие национальной спецификой, разделены на множества, соответствующие определенным сферам [Г.Н. Складневская, И.А.Стернин, З.Д. Попова, А.П. Чудинов и др.].

Первая ступень классификации – отбор номинаций, позволивший выделить две тематически и когнитивно определенные сферы. В центре системы располагается сфера «Человек и его мир». Она наполняется номинациями людей, человеческой деятельности, включает наименования предметов, связанных с условиями жизни и быта. Во вторую сферу («Природа») входят наименования различных реалий живой и неживой природы.

Следующая ступень классификации – выделение субсфер, включающих наименования фрагментов национальной картины мира. В субсферы входят имена концептов, наполняющих определенные участки концептосферы как когнитивного целого.

Последняя ступень классификации предполагает вычленение групп внутри субсфер и соответствующих концептосфер.

В разделе **«Когнитивная организация сверхтекста: парадигматические и линейные речевые практики толерантности»** содержится описание концептосфер, которые важны для осуществления авторской стратегии толерантности писателя-билингва. Писатель стремится к сопоставлению и противопоставлению *своего* и *чужого* во взгляде на мир. В ходе анализа выделяются национально специфические обозначения фрагментов денотативного пространства, выявляются типы речевых практик толерантности. Культурные концепты, отражающие особенности менталитета народа, расположены в каждом участке картины мира, связанной с человеком, его деятельностью, отношением к миру и окружающей действительности. Системный подход к объекту не исключает анализа отдельной единицы. Интерес представляет не только национально маркированная номинация, но и авторская интерпретация этой номинации, а также соотношенность последней с другими единицами, номинирующими культурные концепты контактных концептосфер.

Сфера «Человек и его мир» включает следующие субсферы: 1) номинации административных институтов; 2) номинации лиц по социальной принадлежности; 3) номинации лиц по родственным отношениям; 4) номинации гендерных различий; 5) номинации лиц по отношению к выполняемым ими воинским обязанностям; 6) номинации лиц по роду занятий; 7) номинации религиозных реалий; 8) номинации праздников, обычаев, обрядов. Описан лексический состав тематических субсфер. Толкование актуальных значений в диссертации сопровождается лингвокультурологическими комментариями. Речевые практики толерантности в одном высказывании или текстовом фрагменте, как правило, реализуются в комплексе. Для того, чтобы выделить разновидности этих практик, необходим контекстуальный анализ, привязанный к отдельному высказыванию или текстовому фрагменту. Именно поэтому парадигматические и линейные речевые практики толерантности, реализованные в сверхтексте,

выделяются постепенно, по ходу интерпретации сверхтекстового материала. Покажем на примере одного контекста реализацию разных типов речевых практик толерантности: *Предки казахов отразили удары Кира и Дару, и Надиршаха, прогнали упрямых джунгар. Но началась вражда меж родами, брат пошел на брата. Степь распалась на трое. Великий жуз, Средний жуз, Младший жуз. Жуз - это лик. Трехликим стал народ. Несчастливым* (А.Алимжанов). Парадигматический принцип отбора национальных единиц обеспечивает номинативное освоение читателем участков национально специфического когнитивного пространства. В одном синтаксически однородном ряду оказываются три члена, каждый из которых структурируется с помощью русского прилагательного и опорного лингвоспецифического слова *жуз*. Проекция на обобщающий концепт (*роды*) способствует структурированию информации. Линейные речевые практики толерантности могут быть собственно денотативными и образно-оценочными. Как правило, в контексте они соединяются. В данном случае словосочетание *предки казахов* выступает как косвенный темпоральный сигнал историзма *жуз*. Это предопределяет возможность нейтрального понятийного освоения ключевой номинации. В контексте реализуется оппозиция *внешний враг – внутренний враг*, а понятие *жуз* интерпретируется внутри оппозиции *свой-чужой*, но *чужим* оказывается не только враг – агрессор (*дисунчары*), но и *другое* родо-племенное объединение. Таким образом, осуществляется варьирование оппозиции. Речевая толерантность, как видим, основана на оппозиционном представлении культурно-фоновой информации. Реализованные варианты оппозиции являются универсальными для обеих культур. Образно-оценочная практика толерантности представлена метафорическим воплощением лингвоспецифического понятия *жуз*. Для портретирования исторически достоверного факта внутреннего устройства казахского общества используется метафора *лик*, служащая средством образной конкретизации фрагмента денотативного пространства. Образно-оценочная характеристика Старшего жуза осуществляется с помощью постоянного оценочного эпитета *великий*, подчеркивающего высокий статус этого жуза в системе родо-племенных отношений. В русском языковом сознании за словом *великий* закреплено значение «могущественный, мощный», а идея могущества /мощи принимается и одобряется – через нее русскоязычный читатель с пониманием воспринимает этноспецифическую информацию, а носитель казахской культуры углубляет свои представления о соотношении жузов. Таким образом, эффект толерантности достигается на основе передаваемой с помощью парадигматически организованных средств обоих языков и комбинаций этих средств на линейной оси высказывания и микротексте. Русскоязычность текста при этом не утрачивается. С помощью приемов билингвистической стилистики устанавливается механизм освоения когнитивно определенного участка этноспецифических знаний.

Фоновая информация, как правило, имеет разворот, или функциональное представление фонового сигнала [Н.А.Купина]. Слово *жуз* является фоновым жанроспецифическим сигналом, который многократно разворачивается. Связь между основным вербальным сигналом и разворотом может быть контактной и дистантной. Автор внедряет в сознание читателей множество разворотов, опи-

раясь на различные фоновые знания адресата: *Один из многочисленных родов Малого жуза, род кете, заселял земли далеко за Уил. Чтобы добраться туда, надо было миновать два аула* (С. Санбаев). Фоновый сигнал жуз сопровождается разворотом, сущность которого в уточнении иерархических связей между родо-племенными образованиями: род *кете* относится к Младшему жузу. Парадигматическая речевая практика толерантности основана на использовании лексических единиц контактных субсфер сферы «Человек и его мир»: *жуз, кете* – единицы подсферы «Номинации административных институтов»; *аул* – единица субсферы «Номинации построек». Автором использована опорная формула казахское + русское (*Малый жуз, род кете*). Употребление прямого пространственного сигнала *далеко за Уил*, связано с уточнением национально специфического понятия.

Регулярно в сверткесте реализуются близкие обеим культурам ценностные смыслы «единение», «общность» – на базе слов русского поля «*толерантность*». Например: *А между тем, подхватив призыв батыров, мелкие отряды сарбазов - мстителей из Младшего. Среднегого и Великого жузов, объединяя свои ряды, на совете воинов выбирали себе вожяков и, очищая родные земли от карательных отрядов джунгар, начинали свое победное шествие* (А. Алимжанов). В данном случае слово *жуз* выступает как субъект уничтожения внешнего врага и поддерживается сильными контекстными партнерами (*батыры, сарбазы*) из контактной субсферы. Устойчивое словосочетание *объединяя свои ряды* выражает спасительную для казахской земли идею объединения всех родов и жузов.

Лексические единицы субсферы «Номинации лиц по социальной принадлежности», выступающие как сигналы социальной идентичности, встраиваются в оппозицию *свой – чужой*, которая основана на сложившейся социально-иерархической системе, представленной оппозицией *богатый-бедный*. Так, частотный казахизм *ак-суек* имеет значение «привилегированные круги казахских родов». А.Алимжанов использует фигуральное обозначение людей знатного происхождения (в переводе – «белая кость»). Хотя некоторые исследователи проводят аналогию с русским устойчивым сочетанием *голубая кровь*, последнее нельзя считать полным эквивалентом казахизма *ак-суек*, в значение которого входит семантическая доля «по отношению к родо-племенному делению казахов». В контексте реализуется узкоспециализированная семантика, характеризующая национальные представления о социальных различиях людей: *Жангир разделил казахов на чернь и ак-суек. Ты тоже давно принадлежишь к ак-суеку, хотя и являешься сыном Отемиса* (А. Алимжанов). Использование автором русского историзма *чернь* сближает взгляд разноязычных читателей на исторически актуальную оппозицию *чернь – господа*, т.е. «представители привилегированных социальных групп, классов» (*ак-суек*). Образно-оценочная линейная практика толерантности создается с помощью параллельного оживления внутренней формы русского и казахского слов, обозначающих представителей противоположных слоев общества. Создается образ социально разобщенного общества различий, состоящего из богатых и бедных. Это универсальное противопоставление наполняется внутритекстовыми парадигматически объеди-

ненными национально специфическими номинациями лиц по их социальной принадлежности *ханы, султаны, баи, бии, ходжи*: *По Дарханым грамотам Жангира баи, султаны, бии и ходжи отняли пастбища бедных. Разорены аулы, люди лишены земли и крова. Пастбища по берегу Каспия от устья Едиля до устья Жаика отданы канцлеру Безбородко и графу Юсупову. Войсковые атаманы делят нашу землю, как тушу убитой овцы, жирные куски – для генералов, офицеров, султанов, ходжей и ханов, а народу – обглоданные кости* (А.Алимжанов). Вторжение в казахскую парадигму русских единиц *канцлер Безбородко, граф Юсупов, атаманы, генералы, офицеры* не разрушает целостности парадигмотического ряда. Универсальность оппозиции подчеркивает ее вненациональный характер. В следующем контексте писатель использует буквальный перевод казахизма *ак-суек* на русский язык – «белокостный»: *Сегодня в битве примут участие джигиты всех трех жузов, всех враждовавших раньше меж собой племен. Собственно враждовали не племена, а ханы, султаны, как говорят в аулах, «отпрыски белокостных господ»* (А.Алимжанов). В сверткесте формируется динамическая оппозиция, в которой зафиксированы разные виды обобщения. Так, субстантивированное прилагательное *бедные*, существительные *народ, люди* (которым по праву принадлежит земля), местоимение *наша* с притяжательным значением, существительное *джигиты* передают авторский взгляд на справедливость утверждения: *народ* – хозяин своей земли. Члены внутритекстовой парадигмы *ханы, султаны, бии, ходжи* оцениваются общим характеризующим предикатом *отпрыски белокостных господ*. Последние изображаются автором как алчные расхитители народного богатства (*отняли пастбища бедных*). Воздейственность усиливается сравнением и метафорой. Речевые парадигматические и линейные практики толерантности соединяются. Основой диалогического культурного взаимодействия становится, как видно из анализа, дихотомия *богатый – бедный*, многократно варьируемая в тексте,

В границах национальной картины мира в опоре на определенные стереотипы поведения, традиции, обычаи создаются образы *другого/другой*. В этом отношении интерес представляет субсфера женского. Образ женщины в сверткесте многослоен. Наряду с традиционными образами матери, жены, девушки-невесты, встречаем и образ девушки-джигита.

Стереотипный для обеих культур смысл «женщина – надежная спутница, опора семьи» в сверткесте является опорным. Например: *В Макате считали: дом Турлыжана прочен, он держится на сильных и энергичных парнях, которых не так-то легко обидеть в жизни. Четвертым столпом их мира предстояло стать невесткам* (С. Санбаев). Использование метафоры *четвертый столп мира* способствует частичному стиранию граней между оппозицией *мужское-женское*. Женщина, как и мужчина, является опорой семейного очага.

Традиционный уклад жизни казахов, семейные отношения характеризовались развитым институтом многоженства. Писатель воспроизводит историческую действительность и специфику брачных отношений: *Снаружи в юрту долетел визгливый голос байбише, старшей жены Адайбека. - Что родной отец твой приехал? – Голос старухи слышался уже за порогом. - Почему за-*

кладываешь сразу двух овец?! В ответ раздался несмелый, оправдывающийся голос **токал – младшей жены...** (С.Санбаев). Писатель употребляет казахизмы *байбише, токал* и их русские эквиваленты *старшая жена, младшая жена*. Внутритекстовая парадигма, объединяющая казахские и русские номинации, способствует интерпретации национально специфических смыслов. Особенности гендерной ситуации образно воспроисводятся с помощью русских оценочных эпитетов *визгливый* (голос) – *несмелый, оправдывающийся* (голос), и помогающих осознать специфику семейных отношений в казахском обществе: на стороне старшей жены больше прав. Речевые практики толерантности (парадигматические и линейные) дополняют друг друга.

Образ женщины-воина, защитника родной земли, частично нейтрализует оппозицию *мужского - женского*: – *Убийцы мудрого Маная и Алная тогда не ушли от нас безнаказанными. Джигиты-тобыктинцы помогли нам взять их в западню. Никому из карателей не удалось спастись, а шакала Каражала настигла стрела возмездия – стрела дочери Оракбая Сании. Славная девушка под стать любому джигиту* (А.Алимжанов). В сверткесте употребляется окказионализм *девушка-джигит*, служащий средством нейтрализации оппозиции *мужское – женское*. Переключение гендерных функций в данном случае изображается на базе описания этих функций с помощью словосочетания *стрела дочери Оракбая* и устойчивых словосочетаний *под стать (любому джигиту), настигла стрела возмездия*. Статусные функции мужчины приписываются женщине. Контекст выявляет ограниченность стереотипного представления о женщине как хранительнице очага. Употребление сопутствующей метафоры (*шакал Каражал*) усиливает образное восприятие героини.

Лексические единицы, входящие в субсферу «**Лица по роду занятий**» малочисленны, но обладают высокой частотностью. Особо следует выделить культурему **беркутчи** – «охотник на беркутов». Писатель-билингв передает специфику данного рода занятий, используя единицы с узкоспециализированным значением из контактных лексико-семантических субсфер: *Старик передельывал калкан – деревянную раму, которую надевает беркутчи перед тем, как спускаться в ущелье на аркане* (С. Санбаев); *На левой, более свободной стороне кибитки, стоял тугыр – подставка для беркута, изготовленная из ели. Над ним длинным рядом висели балак бау – поводки из тонкой сыромятной кожи, которые привязывают к лапе беркута и не снимают во время охоты, и кайыс-бау – длинные полуметровые съёмные поводки из воловьей шкуры* (там же). Осмысление денотативного значения казахизмов осуществляется путем пояснения данных слов. Важно, что значения лингвоспецифических слов объясняются автором в деталях. Так достигается понимание жизненно важного для казахов охотничьего дела, имеющего аналоги в России (например, соколиная охота).

В сверткесте особую группу составляют лингвоспецифические слова, значения которых охватывают профессиональный участок картины мира: **имам, ходжа, мулла, муфтий, муэдзин, дервиш** и др. Слова, входящие в субсферу религиозного, отражают не столько особенности религиозного мира казахов, сколько отношение между верующими и представителями культа: *Наделенные*

неограниченной властью над бедными людьми, над всем, что есть и чего нет у них, эти **имамы и ходжи** всегда вселяют в душу и сердце бедного степняка смутную тревогу за будущее. Ведь без их молитв нет покоя не только на этом, но и на том свете (А. Алимжанов). На базе малой парадигмы формируется оппозиция **имамы и ходжи** – («представители религиозного культа») - **верующие** («люди, чья жизнь и судьба подвластны сильным мира»). Оценочный эпитет **неограниченная** (власть) способствует критическому восприятию служителей религиозного культа.

Общий взгляд на проблему отношения человека к Богу передает А.Алимжанов: *Сказать можно так: **хоть и наш Христос, и ваш Аллах, и Будда зюнгарский – разные боги, а мужики-то считай, все одно схоже живут – один у барина землю пашет, другой у бая коней пасет, а третий у хунтайджи и нойонов под плетью пляшет. Вот выходит, что воля-то у тебя тогда, когда под тобой конь хороший и сабля острая в руках.*** В приведенном микро-тексте оппозиция **свой – чужой** конкретизируется местоимениями **наш / ваш**, которые являются сигналами коллективной (в данном случае – религиозной) идентичности. Однако речевые практики толерантности способствуют сглаживанию резкого противопоставления **нашего и вашего**. **Наш / ваш** – сигнал религиозной идентичности. Автор использует лексические варианты для обострения одной и нейтрализации другой (**богач – бедняк**) оппозиции. В трехкомпонентной внутритекстовой парадигме номинации **барин, бай, хунтайджи** употребляются как ключевые номинации, сближающие мировоззрение бедняков трех народов. В тексте используется сопутствующая метафора *под плетью пляшет*, способствующая образному восприятию доли бедняка. В более широком контексте устанавливается прямая переключка с русской пословицей «На бога надейся, да сам не плошай». Таким образом, художественная интерпретация религиозных различий погружается в мир народной мудрости: центральное место в этом мире занимает человек – его воля, ум и душа.

Субсфера религиозного формирует конфессиональный участок картины мира. Вырабатывается отношение к **чужой** религии как **иному**, как особой сфере духовной жизни народа. Осмысление культовых реалий и ритуалов – одна из граней толерантного взаимодействия культур.

Мир человека – это вещный мир, объединяющий все, что связано с рукотворной деятельностью человека. С этой точки зрения интерес представляют субсферы, включающие наименования построек, а также посуды, домашней утвари, пищи, напитков, одежды и обуви и др.

Известно, что типовое жилище отражает и народное мировосприятие. Это особый микромир, в котором проявляется не только специфика быта и уклада жизни, но и менталитет. Для казаха-кочевника таким жилищем была юрта. Выборка из романов А. Алимжанова и С.Санбаева образует сверхтекстовый вертикальный парадигматический ряд: **бакан, бельдеу, кереге, туырлык, шанырак, уыки**, включающий шесть единиц. Данные лингвоспецифические слова не имеют лексических соответствий в русском языке. Поэтому писатели вводят их в текст с пояснением: *Узнав Адайбека и старика Толепу, подъезжающих к отаре, Осман подвернул возжи под **бельдеу** – аркан, которым опоясывают*

юрты, и поспешил навстречу гостям, приглядываясь к ним, чтобы узнать на- строение хозяина (С.Санбаев); В юрте не жарко. **Туырлык** со всех сторон был повернут (в сноске: туырлык – «наружная кошма юрты») (С.Санбаев).

Описание юрты, ее местоположения говорят о степени достатка хозяев. Например: **Просторная шестикрылая юрта** Адайбека, покрытая осенью не нарядным белым, как недавно летом, а теплым светло-серым войлоком, находилась в центре большого аула. Рядом с ней две юрты его старших жен, потом две хозяйственные юрты, и уже вокруг них располагались родственники, строго соблюдая все родственные линии и отношения. **В рваных, прокопченных маленьких юртах** и шалашах жили семьи бедняков (С.Санбаев). Разрабатывается универсальная оппозиция *богатые–бедные*, определяющая социальное положение обитателей юрты. Парадигматический ряд видовых наименований юрты, включает привычные для русских слова (ср.: юрта, шалаш). Оценочные эпитеты *просторная, шестикрылая* – с одной стороны, *рваные, прокопченные, маленькие* – с другой, характеризуют социальное положение хозяев жилища.

Важно отношение современников к юрте как к жилищу: *Каркас юрты был почти готов. Нагима поглядывала на Галимжана одобрителем взглядом: не каждый молодой человек умел сегодня так ловко ставить юрту. Одни считали это занятие недостойным себя, другие относились к юрте с явным пренебрежением, третьим – просто недосуг* (С.Санбаев). Оценочные эпитеты *одобрительный, недостойный* передают отношение человека к юрте. Одобрение или же высокомерное неприятие, равнодушие – суть проявления толерантного/интолерантного взгляда на культуру предшествующих поколений.

Для русских *юрта* – это экзотизм. Образ юрты, который создается в билингвистическом сверхтексте, позволяет понять особенности кочевой жизни, отношение казахов к миру.

Особый интерес представляют лингвоспецифические слова, входящие в субсферу «**Наименования пищи, напитков и традиций гостеприимства**». В сверхтексте широко представлены обозначения национальных блюд: *Казы и жая, жент и баурсаки, сочный курт, ирмишик, тающий во рту, всевозможные блюда из дичи, рыб и отменной баранины, фрукты и яства – все везли караванами в ставку* (А.Алимжанов). Парадигматический ряд лингвоспецифических номинаций, связанных общей семей «блюда», включает шесть однородных единиц. Несмотря на то, что писатель не разъясняет значения каждого культурно специфического слова (например, *баурсаки* - «национальное блюдо: куски кислого или пресного теста, жаренные в масле, сале»), родовое наименование *блюда* и русское устойчивое образное сочетание *таять во рту* создают базу для адекватного восприятия казахского застолья.

Частотным в сверхтексте является слово **бешбармак** – «национальное блюдо (вареное и крошеное мясо с прибавлением к навару муки, круп)»: *Что, тамыр, испугался? – справился дюжий казак, забрасывая повод на луку коня. Скажи жене, пусть готовит бешбармак. Казак хорошо изъяснялся по-казахски, и произношение у него было правильным, видно, из тех, кто родился и вырос в степи* (С.Санбаев). В данном случае автор подчеркивает одобритель-

ное отношение русского человека к блюду казахской кухни. Интересно, что русский ждет, когда приготовят **беишбармак**. Такое произнесение слова привычнее для русского уха. Этнографические детали не являются самоцелью. Напротив, авторы стремятся уловить культурную общность народных традиций. Так, многократно встречаем описание застолья, которое сопровождается беседой и пением. Например: *Трое сидели за **дастарханом**. Крепкий сон, **бесбармак** и чашка кумыса вернули силы Курмашу. Давно было покончено с едой, но разговор не клеился. Зарбай – человек не очень-то разговорчивый – не знал, чем занять гостя. А Курмангазы был тоже не из многословных. Ему захотелось взять домбру и сыграть песню благодарности* (А. Алимжанов). При описании ритуала казахского застолья использованы описательно-интерпретационный и денотативно-оценочный способы, детализирующие специфику данного ритуала. Писатель-биллинг показывает, что пища важна не сама по себе. Она не только насыщает, доставляет личное удовольствие, но и позволяет отвлечься от обыденного, побеседовать, послушать приглашенного музыканта, утолить голод незнакомого путника, угостить друзей. Поэтому непосредственно к группе наименований блюд, напитков примыкают слова и стереотипные выражения, обозначающие особенности казахского гостеприимства.

Читатели биллингвистического текста знакомятся с казахскими традициями: в текст вводятся фрагменты ритуала: *Четверо всадников направились к юрте Адайбека. Навстречу вышли двое джигитов, помогли сойти с коней. **Калима встречала гостей низким поклоном*** (С.Санбаев); *Скрывая злобу и соблюдая **стенной обычай**, Акбай пригласил Узака сойти с коня, войти в юрту* (А.Алимжанов). В приведенных эпизодах репрезентируются ситуации ритуалов встречи и приема гостей. Приметы ритуалов национального гостеприимства позволяют проникнуть в жизненное пространство кочевого народа, осмыслить законы и обычаи бытовой культуры, способствующие сохранению социальной общности, упрочению *своего круга* и установлению внешних контактов, в частности, с русской культурой, в которой гостеприимство является одобряемой ценностной категорией.

Субсферы, объединенные в разветвленную сферу «Человек и его мир», отражают ценностные предпочтения казахов-кочевников, их отношение к человеку, его занятиям, административным институтам, верованиям, их представления о предназначении человека. Выявляются различные уровни идентичности: этническая идентичность, связанная с осознанием принадлежности к определенному этносу, социальная идентичность, формирующая иерархическую систему отношений, основанную на родо-племенном делении общества, профессиональная идентичность, основанная на глубоком осмыслении значимости для казахского народа определенных видов трудовой деятельности, гендерная идентичность, выступающая как знаковая в формировании мужского и женского начал.

Парадигматически организованные единицы каждой отдельной группы упорядочивают представления читателя о бытовой культуре народа. Для русского читателя отдельные участки человекозначащей сферы, воссоздаваемые писателями-биллингами, окажутся узнаваемыми; другие участки данной сферы

будут осознаны как специфические, подчиненные условиям жизни казахов. Во всех случаях принцип соединения разновидностей речевых практик толерантности способствует адекватному восприятию изображаемого. Принятие одним народом целесообразности вещной основы существования другого народа, приобщение к другой культуре – важнейшее условие толерантного взаимодействия.

В разделе «Сфера "Природа"» описывается лексический состав субсферы явлений природы и земной поверхности, субсферы зоосемического, субсферы растительного мира. Например, в тематическую группу «домашние животные и связанные с ними реалии» субсферы зоосемического входят лингвоспецифические слова, именующие коня: **тай** – «годовалый жеребенок»; **сауран** – «порода выносливых саврасых коней»; **аргамак** – «рослый конь кровной породы»; **ай-гыр** – «жеребец-производитель»; **тулпар** – «сказочный быстроногий конь-скакун» и др. Писатели вводят соответствующие казахизмы разными способами. Пояснения нередко даются в виде сносок, как, например, в романе А. Алимжанова: *Сеит держал в поводу уже оседланных коней. И гнедой донен Сеита и кунан Акбас выглядели отдохнувшими и, наострив уши, беспокойно топтались на месте, то и дело поглядывая туда, где скопились всадники* (в сноске: *донен – пятилетний конь; кунан – конь-трехлетка*). Автор использует перевод денотативного значения казахизма на русский язык при помощи русского родового обозначения и конкретизации, позволяющей акцентировать важность видо-возрастных казахских номинаций.

Казахи-кочевники с давних пор культивировали домашних животных. Отсюда множество реалий, связанных с животноводством и верховыми животными, и соответствующих номинаций. Особый интерес представляет слово **аран** – «приспособление в виде острых кольев (обычно из камыша) для ловли сайгаков». В контексте это слово приобретает дополнительные смыслы и в ряде случаев – отрицательную коннотацию. Об этом свидетельствуют метаязыковые комментарии: *Аран – жуткое слово. Оно означает нечто жесткое, всепоглощающее, ненасытное. У казахов есть страшные проклятия на этот счет. «У него разверзся аран», - говорят о ненасытном хануге. «Он не остановится ни перед чем, он может зааранить человека», - говорят о жестоком, озверевшем человеке, оголтелом клеветнике, предателе* (А.Алимжанов). Использование образных оценочных высказываний, косвенно передающих отношение к данному понятию, связано со стремлением писателя передать его специфику. Оценочные эпитеты *жесткое, всепоглощающее, ненасытное* способствуют формированию устойчивого отрицательного отношения к кому-то или к чему-то. Обращает на себя внимание высказывание–рефлексив [И.Т.Вепрева], помогающее уловить коннотативные приращения, сопровождающие денотативное значение. А.Алимжанов использует казахский корень для образования глагола *зааранить*, демонстрируя зловещий смысл, соотносимый с русским синонимом *заарканить*, который, однако, не имеет аналогичных казахскому аналогу вторичных значений. Контрастивность понятий очевидна.

В субсферу «Растительный мир» входят наименования растений, отражающих специфику степного края: **саксаул, терскен, жусан, изен, чий, курай,**

шагыр, карагай, караган, биюргун, кияк. Использование в сверхтексте парадигматического ряда казахских наименований, связанных общей семей «растение», включает шесть единиц и определяется спецификой изображаемого ландшафта. В одном микротексте могут реализовываться контекстно и дистантно расположенные казахизмы; иногда употребляется отдельная номинация, образное содержание которой раскрывается с помощью русской параллели, обладающей яркой внутренней формой. Например: *алабота, эбелек, канбак, коппек, биюргун, шагыр: Позднее на островках дальних солончаков находил он (Мырзагали) мелколистный алабота – любимую траву верблюдов; подальше к северу, у песков, заготовливал колючки: эбелек и канбак. К концу лета старик рубил мотыгой куст. За кустом серебристый коппек – лучший корм для скота и превосходное топливо зимой. И осенью, наконец, наступала пора биюргуна – самой распространенной солянки в степи, и пахучей полыни, потерявшей горечь после долгих белых дождей (С.Санбаев); Здесь рос шагыр – трава сабельник, сухие стебли его и сейчас вырывались из толщи снега, овцы старались добраться до низа густой поросли (С. Санбаев).* Автором используются разные способы пояснения значений лингвоспецифических слов. Особо подчеркиваются важные для понимания данного участка мира родо-видовые отношения; акцентируются возможности применения тех или иных растений. Например: *алабота – трава верблюдов.* Русский функциональный аналог *колючки* употребляется как родовое наименование, указывающее на то, что казахи различают и специально именуют виды колючек (*эбелек и канбак*). Причина такой дифференциации, в том, что верблюды предпочитают определенные виды колючих растений. В контексте наличествуют прямые темпоральные сигналы (*к концу лета, осенью, зимой*) и пространственные сигналы (*в степи, на островках, к северу*), обеспечивающие точность реализации линейных денотативных речевых практик толерантности.

В сверхтексте использованы национальные слова, которые обладают глубоко специфическим символическим смыслом. Символические значения основываются на ассоциациях и никак не эксплицированы в лексеме [З.Д.Попова, И.А.Стернин]. Так, например, подчеркивается, что для казахов *жусан, карагач* – символы родной степи, родины: *Запахом жусана пропитана вся степь, все дороги рабов и батыров (А. Алимжанов).* В сверхтексте устанавливаются межнациональные параллели символов: *Одинокие карагачи подобны Саяку, они готовы к битве со зноем и бурей, чтобы защитить своей тенью всю зелень клочка земли, на которой растут сами. Потому, наверное, вполне естественно, что дерево с шершаво черным стволом, с жесткими, густыми зелеными листочками, дающими плотную тень, казахи считают символом своей земли, как русские – березу, ливанцы – кедр (А. Алимжанов).* Употребление ряда казахских и русских образных номинаций *жусан, карагач, береза, кедр*, а также сопутствующих сравнений (типа *карагачи подобны Саяку*), позволяют образно представить специфику того или иного ландшафта. Образный параллелизм исследуемого сверхтекста прямо устанавливает лингвокогнитивную близость мировосприятия как фундаментальную основу межнациональной толерантности.

Проведенный анализ сверхтекста, обладающего яркой билингвистической стилистикой, позволил предложить типологию речевых практик толерантности, которые в общем виде подразделяются на парадигматические и линейные.

Парадигматические практики толерантности

На уровне отбора языковых единиц действует парадигматический принцип: для осуществления механизмов толерантности автором отбираются когнитивно определенные единицы лексико-семантических сфер и субсфер. Эти единицы образуют внутритекстовые вертикальные объединения национальной лексики.

Внутрисверхтекстовые сферы и субсферы, сформированные на основе национальной казахской лексики, сопоставимы с параллельными системами и подсистемами русской языковой картины мира. Последнее обуславливает возможность интерпретации национально специфических смыслов средствами русского языка и использование опорной для речевых практик толерантности билингвистической формулы казахское + русское.

В высказывании и микротексте порционно реализуются участки парадигматических объединений национальной лексики с возможными включениями русских номинаций, объединений русской лексики с возможными включениями казахских номинаций.

В сверхтексте и тексте осуществляется исчерпывающая реализация внутрисловной парадигмы казахского языка; исчерпывающая реализация внутрисловной парадигмы русского языка. Не исключаются текстовые и сверхтекстовые приращения.

Линейные речевые практики толерантности подразделяются на денотативные и образно-оценочные.

Денотативные линейные практики толерантности

Погружение соответствующего национально специфического понятия (понятий) в конкретный темпоральный и /или пространственный контекст: в высказывании и микротексте тексте наличествуют прямые или косвенные сигналы времени и/или пространства.

Интерпретация национально специфического понятия (понятий) в пределах универсальных оппозиций, главной из которых является оппозиция *свой – чужой*, многократно варьируемая в тексте.

Интерпретация национально специфических понятий на фоне русских слов (*единение, согласие, братство* и др.), в значении которых закреплены семы, непосредственно относящиеся к универсальному общекультурному концепту «толерантность».

Употребление в одном высказывании слов-казахизмов, относящихся к контактным когнитивным субсферам одной семантической сферы при поддержке русских слов, обозначающих то или иное смежное понятие. Данная линейная практика направлена на формирование в сознании читателей межпарадигматических связей.

Интерпретация национального понятия с помощью русских родо-видовых номинаций.

Толкование денотативного значения казахизма с помощью русского эквивалента или русского функционального аналога.

Образно-оценочные линейные речевые практики толерантности

Употребление русской метафорической номинации, позволяющей образно представить и конкретизировать интерпретируемое понятие, а также сопутствующих метафор и сравнений, создающих образный фон восприятия национально специфического понятия.

Употребление эпитетов русского языка, задающих образно-оценочное восприятие национально специфического понятия (понятий).

Употребление стереотипных и нестереотипных оценочных средств русского языка, прямо или косвенно передающих отношение к номинируемому понятию (с преобладанием средств косвенной передачи оценки).

Параллельное использование внутренней формы русского слова и казахского слова для образного представления универсальной оппозиции *свой – чужой* и её вариантов.

Употребление русских и/или казахских устойчивых образных единиц, в том числе поговорок и пословиц, а также текстовых извлечений из русского и/или казахского фольклора, способствующих осмыслению национально специфического понятия (понятий).

Денотативные и образно-оценочные линейные речевые практики толерантности могут соединяться. Об этом, например, свидетельствует частотность описательно-интерпретационного и денотативно-оценочного способа изображения национального ритуала и условий деритуализации.

Регулярность реализации речевых практик толерантности в разных комбинациях способствует нейтрализации очагов напряжения, возникающих при восприятии читателем инокультурной информации. Речевые практики толерантности обеспечивают понимание этой интонации, приобщение читателя к *другой* культуре или углублённое освоение ценностей и установок *своей* культуры. Для проверки досоверности полученных типологических результатов в последующих разделах работы осуществляется наложение этих результатов на язык билингвистических художественных текстов наших дней и на язык русскоязычной казахской публицистики.

В разделе **«Речевые практики толерантности в тексте современного билингвистического романа»** рассматриваются конкретные практики толерантности, актуализированные в романе Шахимардена «Скрытый хан». Автор основывается на системно-парадигматическом принципе отбора национальной лексики, набор которой оказывается беднее, чем в исторических романах предшественников.

В русскоязычную ткань текста внедряется, например, четырёхкомпонентная внутритекстовая парадигма **хан, султаны, беки, бии: Султаны, беки, бии, не смея оглядеться, все же переглядывались, от молчания хана затрепетали еще сильнее и чернее**. Сопутствующая метафорическая конкретизация (*затрепетали чернее*), создаёт образный фон восприятия специфики социальных отношений в казахском обществе. Соединение парадигматической и образно-линейной речевых практик толерантности подтверждает наличие речевой системности.

В романе Шахимардена встречаем полный парадигматический ряд русских номинаций, связанных общей семой «родственные отношения», включающий пять единиц: *отец, матушка, дочь, брат, невеста*: *Когда-то отец был дружен с одним из султанов из оренбургской степи. Вот и решил с матушкой женить меня на его дочери. Надо сказать, что предназначенная мне невеста была влюблена в моего брата и писала ему часто в это время нежные послания.* Сильным контекстным партнёром, поддерживающим билингвистический стилевой облик микротекста, является национальное слово *султан*, принадлежащее контактной субсфере, включающей номинации лиц по национальной принадлежности.

Наблюдается формирование малой парадигмы с экспансией русской единицы: *Хранителями заповедей адата были и есть биш, выборные судьи из числа родовых грамотеев.* Двудоминантная парадигма *биш – выборные судьи* основана на опорной для речевых практик толерантности формуле казахское + русское.

В анализируемом тексте реализуется базовая внутрисловная парадигма. Активно проявляет многозначность лексема *батыр*: *Слово «батыр» стало обозначать уже не могучего силача, размахивающего своим оружием только по своей прихоти, а воинское звание, равное званию запорожских полковников. Под батырами ходило иногда до 10000 постоянно вооруженных всадников, подчинявшихся одним законам и одной воле, как и сами батыры.* Наблюдаем реализацию значений «силач» и «воинское звание». В другом случае актуализируется значение «сказочный герой»: *Поездка обещала быть со всех сторон приятной, да беда была в том, что мой поляк сразу же заговорил о героических легендах и сказаниях, при этом выпытывал из меня все, что я знал о батырах* (там же).

В тексте действует принцип контрастного расположения национальных и русских лексических единиц. Варьируется оппозиция *свой-чужой*, например, активно используется образ внешнего врага: *Хан Аблай тут же двинулся на восток и после продолжительной, но упорной борьбы вытеснил китайцев за Малый Алатау, и казахи вновь заняли свои исконные места.* По одну сторону оказываются *хан, казахи*, по другую – *китайцы*.

Прямой пространственный сигнал (*Малый Алтай*) обеспечивает документальность повествования. Линейная практика толерантности, основанная на погружении национальной информации в реальный темпоральный и пространственный мир, выполняет жанрообразующую функцию: *Зима 1853 года, первая зима, проведенная русским отрядом за Или, была самая жестокая, какой не припомнят аксакалы.*

Регулярно включаются в текст фрагменты ритуалов, способствующие осмыслению специфики лингвистической номинации: *Мусабай, как и было положено, по приходу в Кашгар первым делом посетил аксакала, передал ему рекомендательное письмо от своих влиятельных знакомцев из Кокандского ханства.* Сочетания типа *как и было положено, первым делом посетил аксакала* акцентируют ритуализированность почтения по отношению к старшему по возрасту.

Внедрение ритуала сосетается с элементами деритуализации, которая, в частности, основана на нейтрализации оппозиции *богатый – бедный*: *Преданным другом хана Тауке был батыр Алдияр, сидевший всегда рядом с ханом с правой стороны.*

Оценочное восприятие лингвоспецифических слов нередко формируется на базе образно-оценочной линейной речевой практики толерантности: *Суд шариата муллы Коканда превратили в фарс, трактуя суры корана и изречения Мухаммеда как им вздумается или как угодно стоявшему выше чиновнику. Отчасти из корыстолюбия, отчасти из-за невежества. Я встречал азиатских святош, не умеющих вообще читать, но бойко водивших пальцами по страницам святой книги, причем по верхней строке справа налево, по нижней – слева направо. Слова и словосочетания корыстолюбие, невежество, как вздумается, водивших пальцами...слева направо, не умеющие читать, содержащие направленные оценки, разрушают образ муллы человека честного и образованного и стереотипное представление о справедливости суда шариата. Данная речевая практика используется с целью разрушения культурных стереотипов.*

Современный писатель-билингв использует основные типы речевых практик толерантности, разработанных классиками художественного билингвизма. Реализуется также комбинаторный принцип, предполагающий соединение разных практик в одном высказывании и микротексте. Несмотря на то, что набор разновидностей речевых практик толерантности оказывается неполным, есть основания говорить о том, что стратегически используемые писателями языковые средства способствуют формированию внутрикультурного и межкультурного диалога.

В главе 4 **«Речевые практики толерантности в русскоязычной казахской публицистике»** выявляются механизмы формирования толерантного межкультурного диалога в публицистическом тексте. Структуру данной главы определяет круг проблем, рассматриваемых публицистом и непосредственно связанных с авторской стратегией толерантности: это проблемы национальных традиций, национальной и конфессиональной идентичности, национального искусства.

В главе в проекцию на стратегию толерантности рассматриваются особенности публицистической картины мира, преломляющиеся в текстовых категориях автора и адресата, оценочности, интертекстуальности, времени и пространства.

Публицистическая картина мира отличается от картины мира художественной. Если художественное произведение всегда условно (автор отображает действительность, включая определенную долю вымысла, образно интерпретируя реальные события и факты), то публицистическому тексту свойственны такие качества, как «документальность, подлинность рисуемой картины» [Г.Я.Солганик].

Особо следует сказать о категории адресата. Можно говорить о том, что адресатом публицистического текста является *казахстанец*, который живет в поликультурном пространстве. Идентификатор *казахстанец* объединяет всех жителей Казахстана независимо от этнической принадлежности. Семантика данного слова на первый план восприятия выдвигает гражданскую идентич-

ность, объединяющую людей по геополитическому признаку. Слово образовано по аналогии с лексической единицей *россиянин* [И.Т. Вепрева, Н.А. Купина]. Его употребление способствует формированию толерантного отношения к человеку *другой* этнической принадлежности, *другой* культуры, *другой* веры. Для граждан Казахстана средством межнационального общения является русский язык. Публицист, отражая средствами русского языка реальную ситуацию, сложившуюся в постсоветском Казахстане, стремится объединить читательскую аудиторию. Его читатель – это гражданин Республики Казахстан. *Казахстанец* – это знак гражданской и бикультурной (поликультурной) идентичности. Само слово

Категория оценочности в публицистике имеет ряд отличий. В художественном тексте оценочность можно характеризовать как преимущественно опосредованную. В публицистике же реализуется прямая оценочность [Г.А.Бессарабова, Г.М. Васильева, Н.И.Клушина, И.П.Лысакова, Л.М.Майданова, Т.В.Матвеева, Н.А.Николина, Г.Я.Солганик и др.].

В современной казахской русскоязычной публицистике, складывающейся в обстановке билингвизма и бикультуры, оценочные установки корректируются относительно стратегии толерантности, направленной на сохранение естественного билингвизма и бикультуры. Репродуцируя выработанные временем культурные практики толерантности, публицист определяет речеповеденческие модели, способствующие формированию межкультурного толерантного взаимодействия в наблюдаемых жизненных ситуациях.

В разделе **«Речевые практики толерантности и осмысление острых современных проблем»** выделяется проблематика, порождающая билингвистическую форму и бикультурное содержание текста, определяется стратегия публициста, направленная на формирование межкультурного толерантного взаимодействия, выявляются речевые практики толерантности, используемые в публицистическом тексте. Отмечается, что при освещении текущих проблем собственности, вступления Казахстана в ВТО и др. билингвистическая стилистика оказывается невостребованной.

Освещая бикультурную проблематику, журналист, опираясь на лексические, образные средства русского языка, воспроизводит национальный культурный сценарий, в котором отражается история, психология поликультурного общества. Публицист рассказывает о проблемах, затрагивающих всех читателей, независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности, пропускает эти проблемы через историю народа, устанавливает связи между прошлым и реалиями сегодняшнего дня. Обращение к истории стимулирует употребление пластов национальной лексики и фразеологии. Естественно стремление авторов к проблемам национальной идентичности *своего круга*. Публицист рассматривает идентичность по разным направлениям, отбирая ценностные понятия, связанные с осмыслением личной и групповой идентичности. Обращение к историческим личностям, лицам, связанным с культурной, интеллектуальной деятельностью, помогает читателю, осмысляя прошлое, осознать корни национальной самобытности.

Проблема религиозной идентичности как важной составляющей идентичности национальной приобретает особую актуальность в современном публицистическом тексте. Интерес к данному вопросу связан с возможностью открыто говорить о некогда запретных темах, по-новому осмыслить проблему свободы выбора вероисповедания.

Круг проблем, связанных с национальной идентичностью, определен бытом, укладом жизни, обычаями, традициями народов поликультурного общества. В поле зрения журналиста – специфика жизни людей, живущих бок о бок не одно десятилетие. Читателю интересно и все то, что касается не только его культуры, обычаев, традиций, но и культуры рядом живущего человека. Публицист стремится к расширению когнитивной эрудиции читателя-казахстанца, применяя тактику прямооценочной характеристики, вводит оценочно определенные новые знания и тем самым повышает культурно-фоновую компетенцию читателя. Национальная лексика вводится в текст в соответствии с освещением той или иной проблематики. Следует отметить, что национально маркированные лексические единицы отбираются из тех же сфер, что и в билингвистическом художественном тексте, однако их удельный вес в публицистическом тексте значительно ниже, чем в тексте художественном. Функциональное назначение национальной лексики в публицистическом тексте связано с выделением специфического, особо структурированного культурного пространства, которое должен освоить читатель, испытывающий потребность в активизации живого внутрикультурного и межкультурного диалога.

В разделе «**Грани идентичности**» представлены формы проявления билингвизма и бикультуризма при рассмотрении журналистом проблем, связанных с личной и групповой идентичностью, определением *своего* круга в обществе различий, вопросов, определяющих отношение человека к религии; выявлены речевые практики толерантности, используемые публицистами. В публицистических текстах активно используются лексические единицы из субсферы «Номинации лиц по социальной принадлежности»: **хан; султан, торе, бай, бий, эмир, халиф**. Несмотря на усеченность внутритекстового ряда, ощущается действие стратегического принципа парадигматического отбора национальной лексики. Слова **хан, султан** употребляются в узкоспециализированном значении, которое закреплено в казахском языке: **хан** – «лицо, стоящее во главе жуза, орды (нескольких племен)»; **султан** – «глава рода»: *Молодой Даулеткерей вошел в круг родовых султанов и правителей и стал одним из приближенных хана Жангира* (Букейханов). В контексте отмечено употребление в одном высказывании национального слова (*султан*) и русского прилагательного (*родовой*), относящихся к контактным субсферам. Смещенная сочетаемость (по-русски нельзя сказать *родовой султан*) обращает внимание читателя на необходимость достоверной трактовки исторических реалий.

Обращаясь к проблеме национальной идентичности, публицисты напоминают читателю о специфике родственных отношений в казахском обществе. В казахском языке обозначения родственных отношений отличаются большей детализованностью, чем в русском. В публицистическом тексте встречаем следующие наименования лиц по родственным отношениям: **женге, байбише,**

токал, апа, куйеу бала. Читатель знакомится с национальной спецификой родственных отношений: *По старой доброй традиции кочевников-степняков сыновья одного отца от разных матерей считаются родными братьями. Поэтому все мы, дети, уважали и почитали **Бопежана-ата**, а выяснять, кем он нам доводится, никому и в голову не приходило. Наверное, это правильно! Это мудрая, уходящая в прошлое, многовековая традиция казахов* (Кудайбергенов). Парадигматический ряд русских номинаций лиц по родственным отношениям (*сыновья, отец, братья, мать*) включает лингвоспецифическое слово *ата*, эксплицирующее специфику родственных отношений в казахском обществе. В следующем контексте писатель использует формулу русское + казахское как опорную речевую практику толерантности. Эта формула охватывает сочетания морфем и слов: *В то же время жены дяди **Бижана и Мурата, тоже мои женгешки**, но по возрасту годившиеся мне в матери, с ходу присвоили мне новое имя – «Емельян». Не знаю, почему. Может, потому, что в этих краях когда-то с давними предками здешних казаков **разбойничал непокорный власти Емельян Пугачев!*** (там же). Слово *женгешки*, образованное от казахского корня с помощью русского суффикса оценки, передает доброжелательное отношение к женам дяди, актуализирует характеризующий включенный в предметный атрибутивный смысл «веселые, сохраняющие озорство и юмор, несмотря на возраст». Сигнал бикультуры - собственное прецедентное имя (*Емельян Пугачев*). Оценочный глагол *разбойничал* дегероизирует сложившееся в советское время стереотипное представление о Пугачеве как народном мстителе. Пространственный сигнал *в этих краях* указывает на совместность существования двух народов. Наблюдаем соединение парадигматических и линейных практик толерантности.

Особо современными журналистами разрабатывается проблема религиозной идентичности как части национальной идентичности. Интерес к религиозной тематике объясняется изменениями в собственно культурной среде, которые воплощаются в языке. В Казахстане возрождение мусульманства проходит постепенно. Сам процесс лишен фанатизма и не является всеохватывающим. Обращение к истории позволяет выявить корни религиозности казахов. Публицисты обращаются к истории формирования ислама на территории Казахстана: ***Ислам** появился на нашей территории очень рано. Часть кыпчаков (наименование рода), населявших побережье Сырдарьи, добровольно приняли мусульманство еще в 8 веке. Однако параллельно существовало и множество других верований. Только в 14-16 веках **мусульманство** стало формирующей религией в нашей степи* (Джалилова). В тексте наличествуют прямые темпоральные сигналы (в 8, 14-16 веках), прямые и косвенные пространственные сигналы (*побережье Сырдарьи, в степи*), способствующие погружению читателя в ретроспекцию. Используется национальная лексика, относящаяся к контактным когнитивным субсферам (*ислам, мусульманство* – к субсфере религиозного; *кыпчаки* – к субсфере номинаций лиц по социальной принадлежности). В журнальном и газетном текстах активно используется религиозная лексика: ***имам, ходжа, мулла, муфтий, сура, аят, намаз, мечеть, шариат, коран, медресе.*** Данные лингвоспецифические слова употребляются как историзмы, возвра-

щающиеся в активный запас казахского языка. Интерес для читателя представляет описание ритуала погребения по мусульманским обычаям: *Бактыгали взял на себя обязанности главного организатора по духовной части. Пригласил имама мечети, который со своим помощником по всем мусульманским законам обмыл, одел Кулжана в белый саван, прочитал все необходимые по этому случаю суры из Корана. Неграмотного Кулжана, который не знал ни одной суры, ни одного аята (главы из Корана), проводили в последний путь как истинного мусульманина, по законам шариата.* (Кудайбергенов). Речевые практики толерантности обеспечиваются соединением описательно-интерпретационного и денотативно-оценочного изображения национального ритуала. Публицист обращает внимание на детали, особо важные в мусульманском ритуале похорон как культурной традиции. Человека провожают в последний путь с соблюдением ритуала независимо от того, был ли он верующим, соблюдал ли все установленные для мусульманина обряды.

Сегодня, как и в прошлом, остро стоит проблема принадлежности казахстанца к различным конфессиям. В очерке о влюбленных, решивших соединить свои судьбы, ставится проблема выбора: любовь или вера? Отступничество от своей веры и переход в другую мог определить их судьбу: *Дело шло к женитьбе. Родители невесты ожесточенно сопротивлялись. Мол, какой позор и посмешище. За басурмана дочку не выдадим! Лучше убьем ее или обоих вместе. И тут был найден хитроумный выход из создавшегося сложного положения. Актай должен принять христианство. В общем, сменить веру. На первый взгляд, вроде бы ничего в этом нет особенного. Но это только на первый взгляд. Сменить религию – дело серьезное и нешуточное. Любовь или вера? Актай выбрал первое. Его торжественно привели в церковь. При всеобщем обозрении и стечении православного люда Актая крестили. Батюшка, гнусава, пропел: - Отныне и до конца жизни своей ты, сын мой, в миру будешь Торговин Николай Иванович!; Когда умер Актай, плачущий сын первым делом кинулся к Нагимжану. Может быть, перед смертью Актай просил сына, чтобы его похоронили по казахским обычаям, и поэтому тот прибежал к Нагимжану за советом. Недаром в народе говорят: «Әкең өлгенде айтпасаң да, көмгенде қалай айтпайсың! – Можешь скрыть смерть отца, а как скроешь его похороны!». А Нагимжан, не имея права на самоличное решение, спросил совета у местных аксакалов. Мнения разделились. Я до сих пор не знаю, по каким обычаям – мусульманским или христианским – отправился в последний свой путь Актай, Торговин Николай Иванович* (Кудайбергенов). Формируется актуальный вариант оппозиции свой-чужой, определяющий отношение человека к религии (мусульманской или православной). Прямооценочные высказывания выражают точку зрения представителей конфессиональных групп, исповедующих разные религии. Понятно отношение автора к проблеме вероисповедания: *сменить религию – дело серьезное и нешуточное.* С точки зрения православного *выдавать замуж дочь за басурмана («иноверца») – позор и посмешище.* Данное высказывание определяет коллективный интолерантный взгляд на представителей другой веры. *Актай должен принять христианство - выход из... положения.* Ясна и позиция мусульман, в чьих глазах *Актай,*

сменивший веру, оказался предателем. Прием параллельного употребления казахской пословицы и ее буквального перевода на русский язык передает образно-оценочное восприятие проблемы выбора представителями мусульманской веры. Ритуал, внешние детали и вынужденная масочность (после принятия христианства *Актай* становится *Торговиным Николаем Ивановичем*) не означают органического принятия *чужого* (просил, чтобы его похоронили по казахским обычаям). Журналист обнажает проблему толерантности в обществе религиозных различий. Конфессиональная идентичность не привязана к проживаемому дню. Это проблема жизненного выбора. Не случайно автор, повествуя о событиях советского времени, когда в атеистическом государстве религиозное начало не получило широкого распространения в массовом сознании, раскрывает важнейшую грань конфессиональной толерантности: свободу выбора веры. Человек вынужденно принимает другую веру, но не приобщается к ней душой. Ритуал - внешняя оболочка, скрывающая душевный разлад. Внутренняя жизнь человека раздваивается. В аспекте толерантности можно говорить о насильственном принятии *другого, иного*. Насилие не может быть механизмом толерантности. Недобровольное принятие *иного* интолерантно. В данной ситуации обнажается проблема самоидентичности: человек утратил связь со своим кругом.

Следует отметить, что национальная лексика религиозной сферы активизируется в газетных публицистических текстах в дни религиозных праздников. Обратим внимание на интерпретацию **хаджа** - опоры мусульманской религиозной жизни: *Обряды и ритуалы хаджа были установлены для мусульман пророком Мухамедом в 632 году* (Оразаева). Введение национально-специфического понятия сопровождается конкретным темпоральным сигналом (в 632 г.), характеризующим определенный исторический этап в жизни мусульман. Использование прецедентного имени (*пророк Мухамед*) свидетельствует о достоверности данного события. Наблюдается открытая авторская оценочность, которая проявляется в противопоставлении временных планов, в использовании риторических вопросов, в привлечении различных точек зрения, связанных с отношением к хаджу: *Сложно ли совершить хадж сегодня? Если есть деньги, человек обращается в туристическую фирму. Его не только доставляют самолетом в Мекку, но и помещают в специальную гостиницу, объясняют куда идти и что делать. Хадж перестал быть испытанием души и тела, он превратился в индустрию, в религиозный туризм* (Наумова); *Существует обывательское мнение, что хадж из-за удобств современного мира несколько теряет свой смысл. Если раньше паломники добирались до священных мест кто пешком, кто на лошади, верблюдах и повозках, то теперь процесс передвижения занимает гораздо меньше времени, соответственно, из-за этого сам путь якобы менее выстрадан* (там же). Темпоральные сигналы *раньше – теперь* обостряют точку зрения представителей разных групп к данному явлению. Очевидно авторское отношение к хаджу, проявляющееся в осмыслении духовной составляющей религиозного ритуала в прошлом (хадж как *испытание души*) и настоящем (хадж как *индустрия бизнеса, своеобразный религиозный туризм, теряющий свое истинное предназначение*). Таким образом, проблема возрож-

дения религиозной самобытности не всегда сопряжена с возрождением духовным, а ритуал оказывается лишь демонстрацией религиозного рвения, а не очищением и просветлением духа.

В разделе «**Национальные традиции**» рассматривается активно разрабатываемая журналистами проблема национальной специфики культуры, связанная с определенной средой обитания, укладом жизни, спецификой быта, культуры. Известно то, что среда обитания определяет национальный характер, привычки, формирует отношение к окружающей действительности. В публицистическом тексте, как и в художественном билингвистическом тексте, русское слово *степь* выступает как ключевой пространственный сигнал и сигнал национальной идентичности (идея национальной идентичности охватывает всю проблематику, связанную с национальной самобытностью). Концепт «степь» (и его русское имя) задает формируемое автором отношение к миру, выстраивает фундамент отношений между различными социальными и этническими группами, участвует в формировании *своего круга*, обуславливает выбор критериев эстетического осмысления действительности, выступает как связующее звено между поколениями.

В ходе анализа выделены наиболее частотные постоянные эпитеты к слову *степь* по признаку протяженности: *бескрайняя, открытая, широкая: Кочевая жизнь наших предков и так слилась в едином ритме с окружающей природой, растворилась в ней. В бескрайних степях человек искал не уединения, а встречи* (Муканова); *В стародавние времена предусмотрительные и осторожные казаки свои более или менее крупные поселения строили именно в таких местах, а не в открытой степи* (Кудайбергенов).

Отмечены эпитеты, характеризующие климатические особенности страны: *маловодная, безводная, засушливая, голодная: А если учесть, что кочевать по огромным просторам маловодных засушливых степей, пылующих то зноем, то трескучими морозами, не ради удовольствия, а ради вживания, строго соблюдая при этом все пять заповедей Ислама, - не так легко и просто!* (Кудайбергенов). Выразительные средства русского языка используются для интерпретации геосоциальных особенностей изображаемого.

Публицист характеризует специфику природных условий, влияющих на растительный мир региона. Суровые климатические условия определяют существование определенных видов растений, характерных для данной местности. Так своеобразно автор объясняет специфику звучания отдельных наименований растений: *Березы в Западном Казахстане встречаются крайне редко, скорее их и нет. Основная здешняя древесная порода – карагач. Но как они по-разному звучат. Береза – звонко и радостно, музыкально. А карагач – навевает тоску и безысходность* (Кудайбергенов). Малая парадигма включает казахское и русское наименования растений. При этом употребление лексических единиц сопровождается оценочными предикатами, определяющими специфику степного края.

В журнальном публицистическом тексте используются различные наименования населенных пунктов. *Я не знаю, сколько месяцев и лет Нагимжан жил в мелькавших в моей памяти, словно кадры кинохроники, аулах, селлах, хуторах,*

поселках. Однако в своем последнем доме в поселке Чингирлау он прожил почти двадцать лет. Там и умер (Кудайбергенов). К парадигматическому ряду русских номинаций населенных пунктов село, хутор, поселок присоединяется казахское вкрапление аул. География страны связывается автором с пестрым национальным составом ее жителей. Формула населенный пункт + казахское название, чередуется с формулой колхоз / совхоз + название-советизм. Создается образ «общежития» народов: Это потом появился в Джамбейтинском районе знаменитый на всю страну совхоз «Правда», где основное население состояло из немцев. Как и когда они попали туда, я не знаю. Ведь их выселяли в сорок первом! А Западно-Казахстанский край в те годы был прифронтовой зоной (Кудайбергенов).

В бытовых зарисовках активизируется употребление наименований казахских блюд: **бесбармак, казы, шужык, жая, карта, коже, баурсаки, сорпа.** Публицисту важно подчеркнуть, что традиции приготовления национальной пищи передаются из поколения в поколение, гости получают удовольствие от национального блюда, приготовленного так, как в былые времена. Самое вкусное блюдо – то, которое готовила бабушка, мама. Человек сохраняет ощущение домашнего уюта, вкус пищи, знакомый с детства: *Когда мама приносила пышущий ароматом бешбармак, восторгу стариков не было предела. Уже насытившись и засыпая, они шептали друг другу: - Я такого бешбармака никогда не ел даже в детстве - да откуда в то время такой бешбармак, - поправлял его кто-то. – Варили ведь одно мясо. Тесто, картошка, лук и всякая приправа появились уже потом!* (Кудайбергенов). В тексте присутствуют темпоральные сигналы *в детстве, потом*, сопровождающие использование национально специфического понятия. Понятие родины связывается не с этнической принадлежностью, а с местом рождения и вкусом пищи, которая знакома с детства. В парадигматически однородном ряду оказываются наименования казахских блюд, которых не смогут забыть казахские немцы. Именно подобные идентификаторы (*казахские русские, казахские евреи*) выражают суть бикультуры: *Как им (немцам) живет на новой родине? Не всегда желания совпадают с реальностями. Наверное, тоскуют по родным казахским просторам, особенно старшее поколение. Вспоминают вкус казы, карта, шужык, жая?* (Кудайбергенов). Парадигматический ряд казахских номинаций, связанных с наименованиями пищи, включает четыре единицы: *казы, карта, шужык, жая.* Оксюморонный по отношению к немцам характеристизатор *родные, казахские* передает эмоциональное отношение бывших некоренных граждан страны к родине.

Важную роль в освещении проблемы национальной самобытности играют традиционные праздники, обряды и обычаи. Журналисты часто обращаются к истокам народной жизни, рассказывая об этой части духовной культуры народа, обращают внимание читателей на важность многочисленных обычаев, обрядов, многие из которых забыты. Это способствует возрождению национальных традиций, помогающих осмыслить природу коллективной идентичности. Речевые практики толерантности обеспечиваются соединением описательно-интерпретационного и денотативно-оценочного способа изображения нацио-

нального ритуала. Например: *После рождения ребенка первой роженицу посещает родная мать. Это установившийся веками обычай и вместе с тем обязательный долг каждой матери. Приезд матери к дочери-роженице – древний обычай, называемый корису* (Жидекова); *При первом купании ребенка – шилде суы – его опускают в воду, где находятся вещи и монеты из чистого серебра и золота. После купания новорожденного женщины, совершившие обряд первого купания, делят между собой эти украшения и монеты. Этот обычай назывался бесикке салады* (Жидекова). Автор использует казахское наименование ритуала на фоне русского родового понятия. Цепочка ритуализированное действие – его обозначение в казахском языке свидетельствует о стремлении напомнить о забытой традиции, расширить культурную эрудицию читателей.

В текстах описываются инонациональные варианты культурного сценария, так, например, обряд приглашения на свадьбу, принятый в культуре казахских украинцев: *Несмотря на то, что усеновские украинцы давно оторвались от своих корней, в те годы они еще соблюдали свои удивительно красивые национальные обычаи, которые я запомнил навсегда. Ближе к вечеру две или три нарядно одетые девушки с венками на голове и с разноцветными лентами ходили по селу. Останавливались, кланялись, привечали всех подряд, в том числе и меня-сопняка с Маратом. И красиво так, по-украински: - Мама, тату запрошуют вас на веселье! – Мама с папой приглашают вас на свадьбу!* (Кудайбергенов). Прием контактного употребления национальной формулы и ее перевода облегчает понимание формулы приглашения. Использование оценочных эпитетов *удивительно красивые, нарядно одетые* способствуют эстетическому восприятию ритуала. Заметим неточность воспроизведения украинского слова *весілля* (свадьба). Ошибка, однако, не уничтожает коммуникативный эффект межкультурной толерантности, к которому стремится автор. Бикультура (в данном случае – это соединение казахского + украинского) и вошедшее в журналистский обиход слово *толерантность* в значении «принимаящий чужие обычаи, традиции» - жизненный принцип казахского народа: *Маленькое пыльное село на берегу Илека. Всего две улицы. Вербы, хаты, огороды и ... свадьба по своему, по народному обычаю. Такое можно увидеть только у толерантного народа! На его земле* (там же).

В текстах активизируются казахизмы, обозначающие предметы быта, в том числе посуды, домашней утвари, Казахские прецедентные тексты, национальная лексика и фразеология сопровождает описание культурных бытовых сценариев. Однако и на данном участке картины мира есть общее, что объединяет обе культуры – русскую и казахскую. Опыт длительного совместного проживания двух народов создает условия для взаимопроникновения культур и приобщения к особенностям другой культуры. Извлеченные журналистом из естественной коммуникативной среды речевые практики толерантности формируют модели толерантного отношения к другому, демонстрируют возможности приобщения к чужому и трансформации чужого в свое. Так осуществляется механизм создания диалога.

В разделе «Самобытность искусства» рассматривается специфика культурно-языкового воплощения в тексте музыкальной жизни народа. Выделены

лингвоспецифические единицы, обозначающие носителей казахского музыкального и поэтического искусства: **акын, жырау, жырши, кюйши**. Наиболее употребительным является освоенное русским языком слово **акын**: *Песня стала спутником в дальних переходах акына. Песня кормила и отогревала бродячего поэта. Участвуя и побеждая в многочисленных айтысах (состязания в песнях), оттачивал свое мастерство акын* (Жидекова). Употребление национального слова *акын* сопровождается русским функциональным аналогом *поэт*.

Менее частотно лингвоспецифическое слово **кюйши** – «сказитель, исполнитель кюев». Публицисты передают национальную специфику семантики данного казахизма: *Великим композитором-кюйши, искусство которого было пронизано лирико-эпическим восприятием действительности, вошел Даулеткерей в художественную память казахского народа* (Муканова). Постоянный эпитет *великий* задает оценочное восприятие конкретного лица, оставшегося в культурной памяти народа. В текстах широко представлены наименования музыкальных инструментов. Следует отметить, что данную группу представляют как общеизвестные номинации, так и номинации малоизвестные. Ср.: **домбра и кобыз, сыбызга, жетышек. кыл-кобыз, сазсырнай, шанкобыз, ульдек**. В публицистических текстах часто используется общеупотребительное слово **домбра** – инструмент, особо важный в казахской музыкальной культуре. В одном линейном ряду встречаем наименования музыкальных инструментов, не менее значимых в русской культуре: *Габит по натуре человек малообщительный. Молчун. Хотя прекрасно играл на домбре и аккордеоне. К слову, квартира, которую мы снимали, была полна всяких музыкальных инструментов: баяны, аккордеоны, гитары. Не квартира, а музыкальный склад!* (Кудайбергенов). Парадигматический ряд номинаций музыкальных инструментов включает в основном русские лексические единицы (*аккордеон, баян, гитара*) с вкраплением национального слова *домбра*. Шутливое использование метафорического сочетания *музыкальный склад* создает образно-оценочное восприятие изображаемого.

Наименование музыкального инструмента **сазсырнай** (слово отсутствует в русском языке) вводится с пояснением: *Сазсырнай - духовой инструмент, много лет назад найденный археологами во время раскопок в городище Отрар*. (Доброта). Толкование национального слова проводится с использованием русской родовой номинации. Наличие темпорального ретроспективного сигнала *много лет назад* и пространственного сигнала *в городище Отрар* сосредотачивает внимание читателя на ценности древнего инструмента. С происхождением музыкального инструмента **жетыген** (слово отсутствует в русском языке) связана легенда, которая кратко пересказана журналистом: *Акбоне по силам и по душе оказался и очень сложный инструмент – жетыген. О его происхождении существует много легенд. Одна из них рассказывает об отце, у которого погибли на войне семь сыновей. В их честь он и создал жетыген. Внешне он похож на арфу, а душа у него, как считает Акбоне, лиричная* (там же). Речевая практика толерантности обеспечивается использованием русского (интернационального) функционального аналога и включением текстовых извлечений

из казахского фольклора. В следующем тексте параллельно используются прецедентные казахские и русские собственные имена: *Благодарные потомки воздвигли в честь автора песни «Дударай» Марии Егоровны Рекиной – Мариам Жагоркызы не ахти какой, но монумент, который возвышается при въезде в поселок Кургальджино. Ноты этой песни были записаны не менее легендарным А.В.Затаевичем, который собрал и сохранил для казахов мелодии тысячи кюев. Фантастика!* (Кудайбергенов). Обращает на себя внимание прецедентное название песни «Дударай». Песня «Дударай», сочиненная русской девушкой и повествующая о любви русской и казаха, сохранилась в памяти народной как гимн любви, не знающей препятствий. Вечные ценности объединяют людей разных национальностей. Обращает на себя внимание упоминание имени фольклориста *А.В.Затаевича*. Человек другой культуры сумел оценить красоту, мелодичность, лиричность казахской песни и посвятил свою жизнь изучению музыкального наследия казахского народа. Искусство объединяет языки, стирает различия между людьми по национальным, религиозным, социальным и другим признакам. Осознание этой истины важно в поликультурном обществе, объединяющем разные этносы. Принять *чужое как свое* и воспринимать это как *свое* – основа межкультурного взаимодействия, создания диалога культур.

По материалам современной русскоязычной казахской публицистики можно составить необходимый для толерантного русско-казахского коммуникативного взаимодействия билингвистический и бикультурный минимум, включающий перечень слов, выражений, прецедентных единиц, описаний актуальных культурных сценариев, ритуалов.

Можно сказать, что русскоязычный публицистический текст направлен на осмысление толерантного межкультурного диалога: наблюдается стратегически обусловленное стремление публициста выявить природу национальной идентичности, продемонстрировать характер межкультурной коммуникации, выявить корни последней. Современный билингвизм и бикультуризм в публицистическом тексте выполняет функцию лингвистической терапии. Ритмическая организация журналистского текста, его тональная композиция отличаются национальным своеобразием. Национальная лексика в большинстве случаев используется по типу атомарного вкрапления; реже в текст внедряются малые парадигмы национальных лингвоспецифических номинаций, получающих соответствующие авторские разъяснения; активно внедряется практика описательно-интерпретационного и денотативно-оценочного изображения национальных ритуалов. Обращение журналистов к историческому прошлому можно объяснить их стремлением нейтрализовать текущие конфликтные столкновения, выявить корни острых проблем, оживить забытые традиции. Авторы нередко уходят от оппозиции *раньше-теперь*, стремятся спроецировать глубокую ретроспекцию на реально проживаемое настоящее.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования. Подчеркивается, что ситуация естественного билингвизма служит основой для развития билингвизма художественного и публицистического. В художественных и публицистических текстах регулярно реализуются целенаправленно отобранные авторами языковые средства, организация которых способствует формирова-

нию внутрикультурного и межкультурного диалога. Толерантность является стратегически обусловленной категорией билингвистического текста.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ

1. Художественный билингвизм: к определению понятия // Известия Уральского университета. Гуманитарн. науки. Вып. 10. №39, 2005. – С. 198 – 207.
2. Билингвистическая ситуация в современном Казахстане // Русский язык за рубежом. 2007. №3. – С. 97 – 102.

Монография и главы в коллективных монографиях

3. Билингвистический текст сквозь призму категории толерантности: Изд-во Казахского агротехнического ун-та; Изд-во Урал. ун-та, Астана - Екатеринбург, 2007. – 179с.
4. О межъязыковой толерантности в постсоветском Казахстане // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Коллективная монография / Под ред. Н.А.Купиной и О.А. Михайловой: Изд-во Урал. ун-та, Екатеринбург, 2004. – С. 125-130.
5. Язык вражды и язык примирения в медиапространстве Казахстана // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: Коллективная монография / Под ред. И.Т. Вепревой, Н.А.Купиной, О.А.Михайловой: Изд-во Урал. ун-та, Екатеринбург, 2006. – С. 245 – 258.

Учебные и учебно-методические пособия

6. Учебное пособие по культуре речи: Изд-во Аграрного ун-та, Астана, 2001.- 65с.
7. Учебно-методическое пособие по русскому языку. Ч. 1 – 11 (Соавт.: Гончарова Н.Н., Емец Л.И.): Изд-во Аграрного ун-та, Астана, 2002. – 246с.
8. Сборник упражнений по русскому языку (Соавт.: Прикмета А.Г., Иванова А.В.): Изд-во Аграрного ун-та, Астана, 2003. – 68с.
9. Культура речи. Сборник заданий: Изд-во Аграрного ун-та, Астана, 2005. – 100с.

Статьи и тезисы

10. Функциональная значимость ключевого элемента в «Словах назидания» Абая // Абай и проблемы нравственного воспитания и гуманитарного образования молодежи. Сборник статей. Ч.2.: Изд-во Караганд.ун-та, Караганда, 1995. – С.135 –137.
11. О специфике преподавания русского языка казахам из Монголии // Русский язык в контексте современной культуры. Тезисы докл. междунар. конференции: Изд-во Урал ун-та, Екатеринбург, 29 – 31 октября 1998 г. – С 136 – 137.
12. О специфике использования художественного слова в билингвистическом тексте // Вестник науки Акмолинского аграрного ун-та. Астана, Т.2, №7 – 8, 2000. – С. 298 – 301.
13. Русский язык как средство межнационального общения в Казахстане в новых социальных условиях // Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий. Тез. докл. Всероссийской

научно-метод. конференции: Изд-во Урал. ун-та, Екатеринбург, 19 – 21 марта 2000г. – С. 173 – 175.

14. О неизбежности межъязыковой толерантности: Тез. докл. Междунар. конференции: Изд-во Урал.ун-та, Екатеринбург, 24– 26 октября 2001г. – С. 133 – 135.

15. К проблеме толерантности в условиях интернационализации обучения // Глобализация и интернационализация высшего образования. Междунар. научн. конференция 21 декабря 2001 г. Астана: Изд-во Института управления, 2001.– С. 127 – 131.

16. Об эксплицитном и имплицитном смыслах выражения национального в апеллятивной и неапеллятивной лексике (на материале произведений Г.Мусрепова и С.Муканова) // Евразийская культура: генезис развития, особенности, будущее. Материалы междунар. научн. конференции: Изд-во Аграрного ун-та, Астана, 12 – 13 апреля 2002г. – С. 36 – 40.

17. Оппозиция *свой – чужой* в контексте русско-казахского двуязычия // Коммуникация и толерантность: теоретические и прикладные аспекты. Программные материалы междунар. научн. конференции. 15 – 18 мая 2003 г.: Изд-во Урал.ун-та, Екатеринбург, 2003. – С. 14.

18. Образная доминанта в картине мира писателя-билингва // Вестник. Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева. Астана, 2005. №5 (45). – С. 143 – 147.

19. Концепт «гостеприимство» в казахской картине мира (на материале произведений писателей-билингвов) // Материалы научн. конференции. «6 Сатпаевские чтения» в 20 томах: Изд-во ПГУ им. С.Торайгырова, Павлодар, 2006. Т.1. – С. 331 – 336.

20. К вопросу о межкультурной коммуникации в столице Казахстана // Актуальные проблемы науки в исследованиях молодых ученых. Материалы междунар. научно-практич. конференции. 20 декабря 2005г. Астана: Ассоциация молодых ученых Казахстана, 2006. – С. 21 – 24.

21. Оппозиция «свой-чужой» в газетном тексте // Материалы междунар. научно-практич. конференции молодых ученых. 23 декабря 2005г. Астана: Ассоциация молодых ученых Казахстана, 2006. – С. 87 – 90.

22. Человек в картине мира А.Алимжанова // Вестник Евразийского гуманитарного института, Астана, 2006. №1. – С. 229 – 234.

23. Типы фоновой информации в билингвистическом тексте (на материале произведений А.Алимжанова) // Вестник Евразийского гуманитарного института, Астана, 2006. №3. – С. 178 – 183.

24. О специфике публицистического стиля // Вестник науки Каз ГАТУ. Астана, 2006. №3. – С. 248 – 253.

25. Концепт «дом» в казахской языковой модели мира (на материале произведений А.Алимжанова и С.Санбаева) // Казахстановедение: познавательные, оценочные и прикладные проблемы. Междунар. научн. конференция. Материалы конференции. Астана, 2006. Т.3. – С. 366 – 371.

26. Особенности речевой коммуникации в поликультурном пространстве Казахстана // Речевые конфликты и проблемы современной языковой политики.

Всероссийская научная конференция. Тез. докл.: Изд-во Урал. ун-та, Екатеринбург, 2006. – С.64 – 66.

27. Вещный мир А.Алимжанова (на материале произведений А.Алимжанова) // Вестник Каз ГАТУ. Астана, 2006. Т.5. №1. – С. 287 – 293.

28. Казахская женщина в произведениях писателей-билингвов // Вестник педагогического ун-та. Сер. Филол. науки. Алматы, 2007. №5. – С. 125 – 131.

29. Пространство как категория билингвистического текста // Вестник КазНУ. Серия филологическая. Алматы, 2006. №5 (95). – С.81 – 84.

30. Лингвокультурный типаж «казахский кочевник» (на материале произведений писателей-билингвов) // Вестник КазНУ. Серия филологическая. Алматы, 2006. №6 (96). – С. 122- 126.

31. . Типы национальной лексики в билингвистическом тексте // Вестник университета «Кайнар». Алматы, 2006. №1/2. – С. 64 – 69.

32. О специфике создания межкультурного диалога в билингвистическом художественном тексте // Язык, время и пространство 111. Материалы республиканской научно-теоретической конференции: Изд-во ун-та «Лингва», Караганда, 2007. – С. 140 – 151.

33. Механизмы формирования толерантного взаимодействия в билингвистическом художественном тексте // Язык и толерантность. Материалы научно-теоретической конференции. Ахановские чтения: Изд-во КазНУ, Алматы, 2007. – С. 67 - 72

34. Толерантность как категория билингвистического текста // Вестник Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева. Астана, 2006. № 3 (53). – С. 143 - 148

35. Проблема национальной идентичности в публицистическом тексте // Вестник Каз ГАТУ. Астана, 2007. № 2 (45). – С. 364 – 369.

36. Русский язык как фактор формирования толерантного межкультурного диалога // Русский язык в Казахстане. Сборник трудов, посвященный Году русского языка в Казахстане. Астана, 2007. – С. 244 – 251.

37. Русское слово в роли транслятора культурно-фонической информации в билингвистическом сверхтексте // Русский язык в Казахстане. Сборник трудов, посвященный Году русского языка в Казахстане. Астана, 2007. – С. 252 – 260.